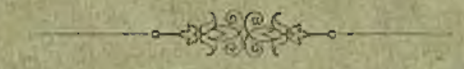
Дьяконов.

К истории крестьянского прикрепления

М. ДЬЯКОНОВЪ.

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ПРИКРѢПЛЕНІЯ.

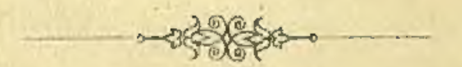

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 80.
1893.

М. ДЬЯКОНОВЪ.

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ПРИКРѢПЛЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 80.
1893.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, іюнь 1893 г.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ до сихъ поръ раздѣляетъ мнѣнія изслѣдователей въ такой же мѣрѣ, какъ это было и 35 лѣтъ назадъ, когда Погодинъ выступилъ противъ общепринятаго взгляда на закрѣпощеніе крестьянъ по указу царя Ѳедора Ивановича въ 1592 г. Точка зрѣнія Погодина на значеніе указа 1597 г. и его категорическое утвержденіе, что общаго указа о прикрѣпленіи не существовало до изданія Уложенія, нашли себѣ авторитетную защиту и дальнѣйшее развитіе въ спеціальныхъ трудахъ профессоровъ И. Е. Энгельмана, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. О. Ключевскаго. Противоположный взглядъ на вопросъ Костомарова и Бѣляева, защищавшихъ съ несущественными отмѣнами до-погодинскую теорію прикрѣпленія крестьянъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, взялся защищать въ послѣднее время проф. В. И. Сергѣевичъ.

Различіе въ мнѣніяхъ изслѣдователей не исчерпывается спорнымъ положеніемъ, былъ ли изданъ, или нѣтъ, указъ о прикрѣпленіи до 1597 г. Разногласіе идетъ гораздо дальше и глубже. Спорными оказываются вопросы какъ о причинахъ, вызвавшихъ прикрѣпленіе, такъ и объ условіяхъ, при наличности которыхъ прикрѣпленіе получило свою юридическую конструкцію. Проф. Ключевскій, напримѣръ, высказалъ совершенно оригинальный взглядъ на самый характеръ прикрѣпленія, оспаривая общераспространенное убѣжденіе о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ и утверждая, что въ своихъ исходныхъ моментахъ прикрѣпленіе носило личный характеръ, а потому и привело къ такъ называемому крѣпостному праву на крестьянъ.

Изложеніе содержанія разнообразныхъ воззрѣній на указанныя темы и выясненіе главнѣйшихъ научныхъ разногласій могло бы повести къ любопытнымъ сопоставленіямъ; но эта задача стоитъ внѣ программы предлагаемаго очерка. Чтобы убѣдиться, однако, въ томъ,

на какой, повидимому, шаткой почвѣ стоитъ до сихъ поръ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторической науки, достаточно отмѣтить послѣдніе, по времени, отзывы изслѣдователей о трудахъ своихъ предшественниковъ въ данной области.

Въ 1884 г. профессоръ Энгельманъ издалъ свой трудъ по исторіи крѣпостнаго права въ Россіи „Die Leibeigenschaft in Russland". Появившееся въ слѣдующемъ году изслѣдованіе проф. Ключевскаго „о происхожденіи крѣпостнаго права въ Россіи" начиналось замѣчаніемъ, что „книга г. Энгельмана не снимаетъ этого вопроса съ очереди, не даетъ на него удачнаго отвѣта". Причину этой неудачи проф. Ключевскій видитъ въ томъ, что разбираемый имъ авторъ не уяснилъ себѣ природы того института, исторію котораго задумалъ изложить. Въ частности проф. Ключевскій не согласился и съ мнѣніемъ г. Энгельмана объ указѣ 1597 г. Послѣдній высказалъ мысль, что особаго указа объ отмѣнѣ Юрьева дня никогда не издавало московское правительство; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ именно указомъ 1597 г., но не прямо, а косвенно и случайно (beiläufig und indirect). По этому поводу проф. Ключевскій замѣтилъ: „и такъ, говоря проще, московское правительство обмануло цѣлый классъ своего народа, тихонько подкараулило и украло его свободу... Толкованіе г. Энгельмана похоже на ученый tour de force, къ которому онъ былъ вынужденъ не поддающимся рѣшенію вопросомъ" [1]). Не согласился съ проф. Энгельманомъ и другой критикъ-спеціалистъ. Предложенное авторомъ рѣшеніе показалось ему несогласнымъ ни съ указомъ 1607 г., ни съ самымъ текстомъ указа 1597 г. „Изъ указа 1597 г. слѣдуетъ заключить, что 5-лѣтняя давность, о которой онъ говоритъ, не есть новость: бѣглыхъ крестьянъ можно было искать въ теченіе 5 лѣтъ и до этого указа. Въ указѣ-же 1607 г., подлинность котораго авторъ не отвергаетъ, прямо сказано, что переходъ отмѣненъ царемъ Ѳедоромъ. Надо думать, что указъ, отмѣнившій Юрьевъ день, былъ изданъ" [2]).

Собственныя мнѣнія проф. Ключевскаго о возникновеніи крѣпостнаго права и его совершенно оригинальная конструкція этого института вызвали не менѣе строгую критику со стороны проф. Сергѣевича: резюмируя свои критическія замѣчанія, онъ пришелъ къ очень неутѣшительному выводу, будто „вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго

---

[1]) *Русская Мысль*, 1885, авг., стр. 1—5; окт., стр. 4.

[2]) *Юридическая библіографія*, издаваемая юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета, № 4, стр. 191—192.

права, не смотря на сильную поддержку, оказанную проф. Ключевскимъ своему отдаленному предшественнику по каѳедрѣ, остается въ томъ же положеніи, въ какомъ находился и до появленія въ свѣтъ статьи Погодина" [1]). Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что критика и собственныя построенія проф. Сергѣевича едва-ли убѣдили его ученыхъ противниковъ въ вопросѣ о крестьянскомъ прикрѣпленіи.

Предоставимъ исторіографіи освѣтить и разъяснить ближайшіе мотивы указаннаго скептицизма изслѣдователей, переходящаго, быть можетъ, иногда необходимые предѣлы научной осторожности. Здѣсь достаточно указать на одно немаловажное обстоятельство. За послѣднія 35 лѣтъ русская историческая наука не обогатилась почти совсѣмъ новыми матеріалами по исторіи прикрѣпленія крестьянъ, такъ что современный изслѣдователь, останавливаясь передъ этимъ спорнымъ вопросомъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи тѣ же изданные источники, какими располагалъ уже Погодинъ. Всѣ появившіяся за указанное время переработки данной темы построены на одномъ и томъ же старомъ матеріалѣ. Значитъ, свойство этого матеріала, его неполнота, неясность и отрывочность, и помимо субъективизма изслѣдователей, обусловливаютъ главнымъ образомъ разнообразіе научныхъ выводовъ.

Исключеніе составляетъ изслѣдованіе проф. Ключевскаго, воспользовавшагося въ своей работѣ обширнымъ архивнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, этотъ малодоступный матеріалъ приведенъ авторомъ въ очень краткихъ отрывкахъ, извлеченіяхъ и пересказахъ, а иногда даже только отмѣченъ малоговорящими ссылками на архивные документы, и такимъ образомъ оказывается по-прежнему почти недоступнымъ новой переработкѣ и остается внѣ научнаго оборота. Но эта увѣнчавшаяся любопытными результатами попытка дополнить архивнымъ матеріаломъ печатные источники даетъ основаніе надѣяться, что наличный матеріалъ, столь разнообразно комментируемый главнымъ образомъ благодаря своей неполнотѣ, можетъ быть еще пополненъ, и что загадочный вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ можетъ получить удовлетворительное разъясненіе съ привлеченіемъ значительной части архивнаго матеріала. При такихъ условіяхъ представляется весьма желательнымъ, чтобы всякаго рода новыя данныя, относящіяся къ

---

[1]) Русскія юридическія древности, т. I, стр. 262.

разсматриваемому вопросу, пускались въ обращеніе по возможности скорѣе и въ возможно болѣе полномъ видѣ.

Руководствуясь указанными соображеніями, авторъ настоящаго очерка рѣшился обнародовать нѣсколько документовъ, извлеченныхъ изъ собранія грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи, которое сохраняется въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на судъ ученой критики опытъ объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ издаваемыхъ источниковъ. Если заключающіяся въ нихъ данныя и не подвинутъ впередъ рѣшеніе главнѣйшихъ спорныхъ положеній, то, быть можетъ, уяснятъ нѣкоторыя подробности дѣла, которыя до сихъ поръ не получили согласнаго истолкованія.

Всѣ имѣющіеся въ виду документы относятся большею частью ко второй половинѣ XVI вѣка и по содержанію своему представляютъ, можно думать, данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ замирало право перехода крестьянъ и посадскихъ людей не только ранѣе 1592 г., но и ранѣе 1584 г. — перваго года царствованія Ѳедора Ивановича.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ наиболѣе любопытныхъ данныхъ, будетъ не лишнимъ отмѣтить нѣсколько небезъинтересныхъ указаній на характеръ ограниченія свободы крестьянскихъ переходовъ по московскому закону, формулированному въ судебникахъ.

I. Въ ученой литературѣ неоднократно было обращено вниманіе на односторонность постановленій судебниковъ о крестьянскомъ переходѣ сравнительно съ такими же постановленіями Псковской судной грамоты. По псковскому закону крестьянинъ и землевладѣлецъ относительно срока отказа являются вполнѣ равноправными. Постановленія же судебниковъ направлены исключительно противъ крестьянъ, и послѣдніе вовсе не равноправны съ землевладѣльцами: срокъ отказа связываетъ крестьянъ и по логической конструкціи закона отнюдь не обязателенъ для землевладѣльцевъ. Но возникаетъ вопросъ: таково ли было дѣйствительное намѣреніе законодателя, или дѣло объясняется несовершенствомъ редакціи? Проф. Энгельманъ, впервые обратившій вниманіе на эту особенность постановленій судебниковъ, думаетъ, что „по существу дѣла землевладѣлецъ былъ связанъ этимъ закономъ въ такой же мѣрѣ, какъ и крестьянинъ, и не могъ отказать крестьянину раньше срока; но это для него было безразлично; онъ, очевидно, имѣлъ другія средства для принужденія крестьянина (выполнять обязательства), тогда какъ для послѣдняго отказъ былъ

единственнымъ доступнымъ средствомъ самообороны противъ притѣсненій помѣщика. По формѣ законъ исключительно направленъ противъ крестьянина, и это, по мнѣнію автора, вполнѣ характеризуетъ московскіе порядки, гдѣ руководящимъ принципомъ является отнюдь не право, а соображенія временной пользы“ [1]). Соглашаясь вполнѣ съ только что изложеннымъ толкованіемъ, проф. Сергѣевичъ однако сомнѣвается, чтобы московское правительство имѣло въ виду предоставить землевладѣльцу право отказывать крестьянамъ внѣ срока. „Правительство принимало мѣры противъ вопіющихъ неудобствъ, а такимъ неудобствомъ, съ точки зрѣнія правящаго класса, былъ безсрочный выходъ крестьянъ... Крестьяне имѣли гораздо менѣе побужденій дорожить землевладѣльцемъ, чѣмъ землевладѣльцы — дорожить крестьянами. Въ памятникахъ есть не мало указаній на то, что землевладѣльцы не выпускаютъ крестьянъ даже въ сроки; но чтобы они ихъ разгоняли въ сроки и безъ сроковъ, этого не видно“ [2]). Такимъ образомъ, согласно послѣднему мнѣнію, не было практической необходимости въ огражденіи произвола землевладѣльцевъ, а потому законъ и обошолъ молчаніемъ эту сторону вопроса.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что на практикѣ землевладѣльцамъ гораздо чаще приходилось заботиться объ удержаніи живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, о призывѣ новыхъ поселенцевъ, и сравнительно рѣдко отказывать отъ аренды наличнымъ крестьянамъ. Но несомнѣнно и то, что случаи послѣдняго рода встрѣчались въ хозяйственномъ бытѣ того времени. Неисправная уплата податей или уклоненіе отъ отбыванія повинностей государственныхъ или хозяйскихъ; боязнь судебной волокиты изъ за какихъ-либо преступленій и проступковъ крестьянина; соображенія выгоды или прямыя злоупотребленія при отчужденіи вотчинъ и т. п.—таковы условія, при наличности которыхъ и землевладѣльцы могли воспользоваться своимъ правомъ отказа. Такіе случаи и извѣстны, хотя по существу дѣла въ документахъ могли сохраниться указанія только на экстренные случаи этого рода, когда дѣло восходило до суда или было обжаловано съ той или другой стороны. Таково, напримѣръ, дѣло Рязанскаго Богословскаго монастыря съ крестьяниномъ Ив. Батуринымъ, который, отсидѣвъ льготу, не платилъ пошлинъ, не давался подъ

---

[1]) *Engelmann I.*, Die Leibeigenschaft in Russland, 20—21.

[2]) *Сергѣевичъ В.*, Вольные и невольные слуги московскихъ государей (*Наблюдатель*, 1887, № 1, 74); Русскія юридическія древности, т. I, 238.

судъ и жилъ на монастырской землѣ сильно, такъ что потребовалось вмѣшательство правительства, чтобы выслать этого крестьянина изъ монастырскаго села [1]).

Какъ же понимали въ этихъ случаяхъ свое право отказа землевладѣльцы? Считали-ли они для себя обязательнымъ постановленія судебниковъ о срокахъ? Повидимому, нѣтъ. Къ такому предположенію приводитъ, по крайней мѣрѣ, одна запись 1532 г. о передачѣ запроданной вотчины. Изъ этой записи видно, что нѣкто Шарапъ Семеновъ сынъ съ своими дѣтьми продалъ Троицкому Махрищскому монастырю свою вотчину, сельцо Полосино и деревню Глинково въ Переяславскомъ уѣздѣ, съ правомъ прожить въ селѣ до Рождества Христова 7041 года. Въ числѣ условій записи стоитъ, между прочимъ, слѣдующее: „А хрестіаномъ полосинскимъ и глинковскимъ сего лѣта на меня на Шарапа и на мои дѣти пашня пахати десятины, какъ на меня преже сего пахали; а мнѣ Шарапу и моимъ дѣтемъ изъ селца изъ Полосина и изъ деревни Глинкова хрестьянина никакова безъ монастырскаго вѣдома *не выслати силно* до сроку до Рождества Христова. А который хрестьянинъ выйдетъ вонъ по своей волѣ, и мнѣ Шарапу и моимъ дѣтемъ на томъ хрестьянинѣ подворнаго и всякихъ пошлинъ своихъ не имати, то ужо имати монастырю" [2]). Запись выдана зимой или раннею весной 1532 г., такъ какъ въ ней сказано, что продавецъ переѣдетъ съ Москвы въ деревню „на Юрьевъ день вешней лѣта 7040". Итакъ въ теченіе всего срока владѣнія съ апрѣля по конецъ декабря 1532 г. продавецъ обязуется не высылать крестьянъ сильно безъ вѣдома монастырскихъ властей. Отсюда заключаемъ, что съ вѣдома монастыря, то-есть, настоящаго землевладѣльца, выслать крестьянина считалось позволительнымъ, не стѣсняясь никакимъ установленнымъ срокомъ. Монастырскія власти поставили это ограниченіе въ огражденіе своихъ интересовъ. Но необходимость такого условія указываетъ косвенно и на существующую практику и, значитъ, на возможность разогнать крестьянъ внѣ срока и такимъ образомъ обезцѣнить имѣніе. Это подтверждается и выраженіемъ „выслать *сильно*", что означаетъ насильственный отказъ крестьянину со стороны землевладѣльца. Стоящее рядомъ выраженіе „выйдетъ вонъ по своей волѣ" означаетъ отказъ по иниціативѣ крестьянина. Срокъ

---

[1]) А. И. I № 134 (1533); ср. А. Ю. № 64 (1661).

[2]) Арх. М. Ю., Переясл. у. № $\frac{90}{8814}$. Эта запись находится и въ правой грамотѣ 1584 г., отпечатанной въ А. Ю. Б. I, № 52 IV, стр. 178—179.

этого добровольнаго выхода хотя также не указанъ, но въ этомъ и не было нужды при существованіи общаго закона о срокѣ крестьянскаго выхода.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что согласно записи съ крестьянъ взимаются при выходѣ въ пользу землевладѣльца подворное и „всякія пошлины". Судебникъ 1497 г. установилъ только взиманіе пожилаго съ двора въ опредѣленномъ размѣрѣ. Практика, очевидно, присоединила къ этому сбору еще всякія пошлины для затрудненія выхода. Несомнѣнно, для устраненія этихъ произвольныхъ поборовъ судебникъ царскій сверхъ пожилого, размѣръ котораго увеличенъ, узаконилъ еще новую пошлину—повозъ и запретилъ взиманіе какихъ либо иныхъ пошлинъ: „а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ" (ст. 88).

II. Постановленія судебниковъ о крестьянскомъ отказѣ возбуждаютъ сомнѣнія еще съ другой стороны. Опредѣливъ сроки и условія для выхода или вывода крестьянъ, судебники не установили никакой санкціи за нарушеніе этого правила. Спрашивается, какія же юридическія послѣдствія возникали въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ покидалъ участокъ не въ срокъ и безъ отказа. На этотъ вопросъ, естественно, давно уже обращено вниманіе изслѣдователей. Еще К. Аксаковъ высказалъ мнѣніе, что крестьянинъ, вышедшій не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно, считался бѣглымъ. „До укрѣпленія, *заплатя пеню*, онъ удерживалъ свою личную независимость и не былъ обязанъ выполнять условно обѣщаннаго; послѣ укрѣпленія онъ не могъ отступиться отъ условій, а обязанъ былъ выполнить весь договоръ и жить столько, сколько въ записи (порядной) написано. Въ этомъ состояло запрещеніе выхода" [1]).

Подробнѣе и опредѣленнѣе останавливается на этомъ вопросѣ Костомаровъ въ своей полемикѣ съ Погодинымъ. „Крестьянинъ, говоритъ онъ, имѣя право перехода отъ владѣльца земли, на которой жилъ, не былъ его принадлежностью, какъ холопъ, и нѣтъ указанія, чтобъ въ случаѣ самовольнаго удаленія съ земли владѣльца онъ возвращался снова на прежнее мѣсто: предположить это, значило бы принять, что крестьянинъ за побѣгъ дѣлался принадлежностью помѣщика, то-есть его холопомъ. Но этого не видимъ мы даже и впослѣдствіи, когда крестьяне были уже прикрѣплены къ землѣ: они возвращались и поступали снова въ крестьяне, но не въ холопы. Если же предположить, что

[1]) Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова, т. I, стр. 509.

такъ было и въ XVI вѣкѣ, во время существованія права перехода, тогда уничтожается самое это право: надобно будетъ принять, что крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Если крестьянинъ, заключившій договоръ съ помѣщикомъ въ ноябрѣ, бѣжалъ отъ него въ іюлѣ будущаго года, а пойманъ въ ноябрѣ: какъ же можно было его возвратить на прежнее жительство, когда онъ и безъ того имѣлъ право перемѣнить его въ это время? Очевидно, что крестьянинъ бѣжавшій отъ помѣщика до срока, въ который могъ по закону уйдти отъ него, подвергался взысканію, какъ свободный человѣкъ, за нарушеніе договора и присуждался къ вознагражденію убытковъ, нанесенныхъ хозяину, и слѣдовательно не могъ быть, какъ рабъ, возвращаемъ безусловно на прежнее жительство" [1]).

Совершенно ту же точку зрѣнія на вопросъ защищаетъ въ послѣднее время профессоръ Сергѣевичъ. По его мнѣнію, „въ прежнее время возвращеніе крестьянъ на покинутые участки имѣло мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ и на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ; для того, чтобы возвести эти частныя распоряженія въ общее правило, нужно было особое узаконеніе. А такъ какъ въ судебникахъ его нѣтъ, то надо полагать, что и московское правительство, какъ и псковское, хотя и установило общій срокъ отказа, но не ввело еще псковъ о водвореніи безсрочно ушедшихъ на оставленные ими участки". „Уголовной кары за безсрочный выходъ и выводъ также не было установлено". Такіе иски, думаетъ проф. Сергѣевичъ, опущены составителями судебниковъ не по недосмотру, а по совершенной ихъ непрактичности, такъ какъ до постановленія приговора о возвращеніи несвоевременно вышедшихъ крестьянъ во многихъ случаяхъ успѣли бы наступить законные сроки переходовъ. Въ такихъ случаяхъ возвращеніе крестьянъ по приговору суда противорѣчило бы ихъ праву перехода въ Юрьевъ день. Поэтому „иски объ убыткахъ составляли единственное и, нельзя отрицать, весьма сильное средство для удержанія крестьянъ отъ незаконнаго выхода" [2]).

Это столь ясно и стройно формулированное толкованіе постановленій судебниковъ не устраняетъ, однако, двоякаго рода недоразумѣній. Вопервыхъ, судебники одинаково проходятъ молчаніемъ какъ иски о возвращеніи незаконно вышедшихъ крестьянъ, такъ и иски объ убыткахъ, причиненныхъ такимъ выходомъ. Можно еще допу-

[1]) *Архивъ историч. и практич. свѣдѣній*, 1859 г., кн. 3, критика, стр. 70—71.
[2]) Русскія юридическія древности, т. I, 240—242.

стить, что объ искахъ послѣдняго рода не было надобности упоминать особо,—они разумѣлись сами собой. Но странно, что за весь продолжительный періодъ господства такой практики, до насъ не дошло ни одного указанія, подтверждающаго ея существованіе: ни одного иска, ни одной правой грамоты о взысканіи убытковъ съ несвоевременно вышедшихъ крестьянъ [1]). И, вовторыхъ, на ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что намъ извѣстно нѣсколько случаевъ водворенія на прежнихъ мѣстахъ жительства незаконно вышедшихъ или вывезенныхъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ указанъ и проф. Сергѣевичемъ [2]). Можно къ нему присоединить еще два другихъ, если не считать подобнаго же случая, относящагося ко второй половинѣ XV вѣка [3]). Въ грамотѣ Бѣлозерскому намѣстнику 1559 года читаемъ: „которые крестьяне въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ выходили изъ нашихъ черныхъ волостей въ ихъ монастырскія (Кириллова монастыря) села и деревни и за князей и за дѣтей боярскихъ не въ срокъ безъ отказу, и вы де по нашему наказу тѣхъ крестьянъ изъ ихъ селъ и деревень и изъ-за князей и изъ-за дѣтей боярскихъ выводите назадъ въ наши въ черныя волости, на тѣ же мѣста, гдѣ которой жилъ напередъ сего“ [4]). Въ томъ же смыслѣ надо, кажется, понимать нѣкоторыя выраженія выписи 1580 г. на Троицкія вотчины въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, на устьѣ р. Шексны. Здѣсь сказано: „д—ня Шикмана пуста, а въ ней два двора пусты, а вошли были въ нее крестьяне изъ государевы изъ Ворбозовскія волости, Тишка Петровъ да Степанко Ивановъ, и по государеву наказу Тишку вывезли въ тое-жъ волость Безсонко Щокотовъ, а Степанко Ивановъ вышелъ въ сзовую волость въ Вогнемскую, а впередъ вся деревня стала пуста... Д—ня Савкино пуста, а въ ней два двора пусты, а вошли были два кресть-

[1]) Отрывокъ суднаго дѣла, возникшаго изъ-за нарушенія крестьяниномъ Вотолою порядной, никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса не содержитъ: не достаетъ конца дѣла, именно рѣшенія. Р. И. Б., XII, ст. 129, № V (1558). Другой любопытный документъ, къ сожалѣнію, также съ дефектами,—это духовная кн. Ивана Щепина, въ которой читаемъ: „Да вывезъ есми съ отказамъ... и за (изъ-за) Онтона крестьян... Янка да Шестока да Лазаря, и Онтонъ тѣхъ крестьянъ поималъ на поли, да ихъ взялъ... та рублехъ, и язъ на Онтонѣ того искалъ, и на томъ у насъ съ нимъ миръ былъ, что было ему на крестьянѣхъ денегъ по кабаламъ не взяти“. Но и это мѣсто служитъ лишь доказательствомъ права отказывать крестьянъ должниковъ. Сборн. Муханова, № 348 (1588?).

[2]) Русскія юридическія древности, т. I, 498 прим.

[3]) А. Э. I. № 83 (1466—1478).

[4]) Р. И. Б. II, № 36.

янина, Гридка Ивановъ да Өедко Сидоровъ, изъ государевы волости изъ Ворбозовскія, и ихъ по государеву наказу вывезли назадъ за государя Безсонъ Щокотовъ" [1]).

Въ случаѣ, указанномъ въ книгѣ проф. Сергѣевича, заинтересованные помѣщики обратились съ жалобой на незаконность отказа (среди лѣта 1555 года), и въ государевой грамотѣ предписано обязать свезенныхъ крестьянъ жить за прежними помѣщиками „по нашему уложенью, по судебнику, до сроку". Любопытно, что грамота помѣчена 17-го декабря [2]), то-есть, распоряженіе о водвореніи крестьянъ дано по истеченіи срока отказа (конецъ ноября) и могло быть исполнено не иначе, какъ удержаніемъ крестьянъ на прежнихъ мѣстахъ жительства до слѣдующаго срока въ ноябрѣ 1556 г. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ крестьяне водворяются на покинутые незаконно участки по распоряженію правительства на основаніи наказовъ, выданныхъ намѣстникамъ и приказнымъ людямъ. Нельзя съ увѣренностью сказать, чѣмъ вызваны эти наказы: жалобами ли потерпѣвшихъ, въ данномъ случаѣ волостныхъ крестьянъ, или представленіями намѣстниковъ и приказныхъ людей, или же, наконецъ, непосредственной правительственной иниціативой при назначеніи на мѣста должностныхъ лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣли бы дополненіе постановленій судебниковъ совершенно опредѣленною санкціею. Недостатокъ матеріала не позволяетъ, однако, настаивать на такомъ толкованіи. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать спору одно значеніе вышеуказанныхъ фактовъ: они идутъ въ разрѣзъ съ предложенной догадкой, будто единственнымъ средствомъ защиты противъ несвоевременнаго выхода и отказа крестьянъ были иски объ убыткахъ.

Этой догадкѣ противорѣчитъ, кажется намъ, и другое свидѣтельство памятниковъ, восполняющее до нѣкоторой степени недостающую въ судебникахъ санкцію правилъ о крестьянскомъ переходѣ. Въ жалованной грамотѣ перемышльскаго князя Александра Ивановича Успенскому Жиздринскому монастырю 20-го іюля 1547 г., между прочимъ, сказано: „также есми пожаловалъ строителя съ братіею: которые крестьяне живутъ въ тѣхъ ихъ въ монастырскихъ въ деревняхъ и въ слободкахъ, а похотятъ которые прочь поитить въ мои въ подклѣтные села и за моего сына боярскаго, и тѣмъ крестьянамъ отказыва-

[1]) Архивъ министерства юстиціи, Бѣлозерскій у. № $\frac{156}{857}$.

[2]) Д. къ А. И. I, № 51 XVIII.

тися одинъ срокъ въ году, Юрьевъ день осеней. А кто у нихъ откажетъ силно не по тому ихъ сроку, и тотъ отказъ не въ отказъ" [1]). Совершенно такую-же санкцію заключаетъ и жалованная грамота вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю 1462—1471 гг.: „а кто откажетъ до Юрьева дни или послѣ Юрьева дни, ино тотъ отказъ не въ отказъ" [2]). Отсюда заключаемъ, что эта санкція вовсе не исключительная и не придумана перемышльскимъ княземъ. Къ тому же никакого владѣтельнаго перемышльскаго князя, пользующагося правомъ самостоятельнаго законодательства, въ XVI вѣкѣ и не существовало. Перемышльскій удѣлъ, выдѣлившійся изъ серпуховскаго удѣльнаго княжества, потерялъ самостоятельность вмѣстѣ съ послѣднимъ при Иванѣ III. Поэтому жалованная грамота 1547 г., выданная премышльскимъ княземъ, не создаетъ особаго мѣстнаго закона, а повторяетъ лишь общій законъ судебника, придавая ему общеизвѣстное и общепринятое значеніе, не выраженное въ самомъ судебникѣ лишь вслѣдствіе неудачной редакціи закона. Судебникъ царскій, какъ извѣстно, удержалъ старую редакцію почти всѣхъ статей судебника перваго, дополнивъ лишь его новыми правилами. Законъ о крестьянскомъ отказѣ, хотя и дополненный, сохраненъ въ прежней редакціи, а потому, примѣнительно и къ нему, грамота перемышльскаго князя можетъ служить любопытнымъ современнымъ комментаріемъ.

Что-же обозначаетъ эта санкція: „тотъ отказъ не въ отказъ"? По ея буквальному смыслу выходъ или вывозъ крестьянъ не въ установленный срокъ оказывается недѣйствительнымъ. Но признанная закономъ недѣйствительность открывала путь къ возстановленію нарушенныхъ между сторонами отношеній помимо суда самоуправными дѣйствіями. Стало быть заинтересованные землевладѣльцы могли силою предупреждать нарушеніе закона, а несвоевременно вышедшіе или вывезенные крестьяне могли быть возвращаемы на прежніе участки безъ всякаго судебнаго вмѣшательства, если самый фактъ незаконнаго отказа не возбуждалъ сомнѣній. Такое толкованіе не представляетъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ, согласно воззрѣніямъ эпохи, внѣсудебное возстановленіе правъ или внѣсудебное вознагражденіе потерпѣвшихъ, въ видѣ юридическаго переживанія болѣе древнихъ порядковъ, считалось наиболѣе сильнымъ средствомъ огражденія правъ

[1]) Арх. мин. юст., Перемышльскій у. № $\frac{1}{9550}$.

[2]) Д. къ А. И. I, № 198 I.

и безопасности населенія. Такъ, во второй половинѣ XV вѣка и въ XVI вѣкѣ жалованныя грамоты постоянно повторяютъ обычную угрозу: „учинится у нихъ какова гибель, и тому та гибель платити вдвое безъ суда и безъ исправы“ [1]).

Выясненіе практическихъ слѣдствій указанной санкціи, за недостаткомъ положительныхъ указаній представляетъ значительныя трудности. Можно думать, что внѣсудебное возстановленіе нарушенныхъ правъ землевладѣльцевъ при крестьянскихъ вывозахъ постоянно подавало поводъ къ злоупотребленіямъ какъ со стороны потерпѣвшихъ, такъ и со стороны мѣстной администраціи, по скольку послѣдней приходилось вмѣшиваться въ дѣла этого рода. Эти злоупотребленія и могли привести къ установленію путемъ практики исковъ о возвращеніи незаконно ушедшихъ или бѣглыхъ крестьянъ.

III. Ограниченіе крестьянскаго перехода общимъ закономъ и прикрѣпленіе крестьянъ, достигши значительныхъ успѣховъ къ концу XVI вѣка, какъ извѣстно, предварялись нѣсколькими частными мѣрами, прямыми и косвенными, имѣющими цѣлью затруднить и окончательно воспретить крестьянскій выходъ [2]). Изъ косвенныхъ мѣръ обращаютъ на себя вниманіе запрещенія, формулированныя въ льготныхъ жалованныхъ грамотахъ, перезывать и садить на землю крестьянъ мѣстныхъ волостныхъ, тяглыхъ или вытныхъ, даньскихъ, письменныхъ; и рядомъ съ этимъ преимущественныя льготы для перезванныхъ крестьянъ изъ иныхъ княженій. Такія мѣры княжескихъ правительствъ въ эпоху существованія многихъ княжествъ объяснялись невозможностью прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ мѣрамъ для устраненія невыгодъ крестьянскаго перехода. „Свобода перехода есть исконное обычное право крестьянъ. Первые московскіе князья еще слишкомъ слабы, чтобы поднять руку на это право. Да при существованіи многихъ удѣловъ такой мѣры и провести было нельзя: отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы въ удѣлы, гдѣ переходъ дозволенъ. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось

---

[1]) А. Э. I, №№ 72 (1462—1478), 102 (1476), 122 (1488), 143 (1506); Д. къ А. И. I, №№ 46 (1551), 114 (1560), 148 (1598).

[2]) *Б. Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, 174—186, 189; *Погодинъ*, Историко-критическіе отрывки, II, 222—225; *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2, 45—50; *В. Сергѣевичъ*, Вольные и невольные слуги московскихъ государей (*Наблюдатель*, 1887, № 1, 66—76); *его-же*, Русскія юридическія древности, т. I, 193—198 и 233—236.

какъ требовать отъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ князю льготами, не принимать на свои земли тяглыхъ людей" [1]). Согласно такому объясненію эти мѣры ограничивали крестьянскій переходъ лишь фактически, ничуть не затрагивая самаго права свободнаго перехода.

Въ исторической литературѣ высказаны, однако, иныя воззрѣнія на вопросъ. Еще Сперанскій полагалъ, что „въ состояніи людей, *живущихъ на земляхъ общественныхъ*, произошла важная перемѣна со времени введенія татарами народной переписи въ 1257 году; внесенные въ оную какъ городскіе, такъ и сельскіе жители должны были оставаться на тѣхъ земляхъ, на которыхъ застала ихъ перепись. Съ сего времени постановлено было общимъ закономъ, чтобы *численныхъ людей не принимать ни въ домовую услугу, ни на частныя земли для поселенія*. Даже самые князья въ договорахъ между собою поставляли правиломъ: *а численные люди блюсти ны съ единаго и земель ихъ не купити и закладней не приимати*". Если къ этому общему положенію прибавить, что Сперанскій призналъ тождество терминовъ „численные люди" и „письменные люди" [2]), то въ результатѣ получится совершенно опредѣленный выводъ о прикрѣпленіи къ землѣ тяглыхъ людей уже съ конца XIII вѣка.

Долгое время Сперанскій не имѣлъ сторонниковъ въ этомъ вопросѣ. Только въ самое послѣднее время сдѣлана попытка отодвинуть къ татарской эпохѣ начало крѣпостнаго права на крестьянъ и тѣмъ самымъ поддержать и обосновать догадку Сперанскаго. Такъ, кажется намъ, нужно понимать слѣдующее мнѣніе П. Н. Милюкова: „связь „дани", „числа" и „сохи" при татарской переписи даетъ намъ возможность возводить къ тому же времени явленія, которыя по нашимъ источникамъ становятся доступны наблюденію столѣтіемъ позже: со второй половины XIV вѣка. Даньщикъ становится главнымъ финансовымъ чиновникомъ, собирающимъ на ряду съ данью и другіе сборы; неразлучнымъ его товарищемъ является писецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣляется объектъ дѣятельности обоихъ: люди данные и письменные, первые наши крѣпостные(?) крестьяне, удерживаемые на своихъ земляхъ не запрещеніемъ уходить, а запрещеніемъ владѣльцамъ другихъ земель принимать ихъ къ себѣ; князья крѣпко дер-

---

[1]) *Наблюдатель*, 1887, № 1, 66.

[2]) Историческое обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ. *Архивъ истор. и практич. свѣд.*, 1859, кн. 2, стр. 30 и 50: „А письменныхъ (тоже что численныхъ) ему тяглыхъ моихъ людей къ себѣ не пріимати".

жатся за это населеніе, связывая его данною раскладкою и развивая такимъ образомъ идею *тягла*. Термины людей тяглыхъ, данныхъ, письменныхъ (слѣдовало бы прибавить — численныхъ) становятся синонимами.... такимъ образомъ татарская дань способствовала закрѣпленію на мѣстѣ крестьянскаго населенія" [1]).

Къ сожалѣнію, аргументація автора въ данномъ случаѣ не устраняетъ цѣлаго ряда недоумѣній, возникающихъ одинаково какъ при чтеніи вышеприведенныхъ словъ, такъ и при оцѣнкѣ мнѣнія Сперанскаго. По скольку вѣроятною можно считать догадку о времени возникновенія идеи тягла, по столько же сомнительнымъ кажется утвержденіе, будто съ идеею тягла связано прикрѣпленіе къ мѣсту жительства крестьянскаго населенія. Идея тягла сама по себѣ не заключаетъ еще признака прикрѣпленія къ этому тяглу, тѣмъ болѣе прикрѣпленія къ мѣсту жительства. Еслибы между тягломъ и прикрѣпленіемъ существовала столь тѣсная связь, въ силу которой записка въ тягло означала бы и прикрѣпленіе къ нему, то въ такомъ случаѣ были бы излишни всякія запрещенія перезывать и селить *тяглыхъ* крестьянъ, разъ они были прикрѣплены уже самою припиской къ тяглу. По этимъ соображеніямъ представляется болѣе вѣроятнымъ иной порядокъ явленій въ историческомъ генезисѣ крестьянскаго прикрѣпленія: оно начинаетъ возникать гораздо позднѣе, думаемъ, не ранѣе половины XV вѣка, на почвѣ уже выяснившейся идеи тягла.

Памятники половины XV вѣка прежде всего свидѣтельствуютъ, что княжескія правительства принимаютъ мѣры противъ нарушенія тѣхъ запретовъ принимать мѣстныхъ волостныхъ людей, съ какими мы встрѣчаемся въ жалованныхъ грамотахъ. Такъ, въ грамотѣ тверскихъ князей Отрочу монастырю 1437 — 1461 г. впервые находимъ любопытную санкцію обычнаго запрещенія: „такоже архимандриту изъ нашея отчины людей волостныхъ въ монастырскіе села не прімати, а приметъ-ли кого, *ино нятыхъ имати*......... какъ намъ будетъ любо; а приметъ ли кого прикащикъ архимандричь, ино его казнити" [2]). Здѣсь косвенная мѣра къ ограниченію крестьянскаго перехода получаетъ характеръ юридической мѣры, непосредственно касающейся крестьянъ: князья оставляютъ за собой право принятыхъ волостныхъ крестьянъ брать изъ-за монастыря. Намеки на по-

---

[1]) Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Пб. 1892, стр. 21.

[2]) А. Э. I, № 34.

№ 34.

добную же практику можно отмѣтить и въ болѣе древнихъ памятникахъ. Въ жалованной грамотѣ нижегородскаго князя Благовѣщенскому монастырю, дословно подтвержденной и великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1423 г., между прочимъ, упомянуто: „А что ми сказывалъ архимандритъ Малахѣй, что переняль моихъ сиротъ... а они пошли изъ моее отчины и онъ ихъ у себя осадилъ, и тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ архимандритъ самъ по пошлинѣ, а даетъ съ нихъ дань мою по силамъ“ [1]). Нарушеніе запрета принимать мѣстныхъ жителей не влечетъ никакихъ послѣдствій только по особому пожалованію и въ виду особыхъ условій: князю было выгоднѣе оставить крестьянъ въ предѣлахъ княжества, хотя бы на монастырской землѣ, чѣмъ потерять вовсе тяглыхъ людей.

Съ половины XV вѣка встрѣчаются и прямыя воздѣйствія правительствъ на свободу крестьянскаго передвиженія, въ видѣ ли ограниченія перехода установленнымъ срокомъ, или же въ формѣ окончательнаго воспрещенія крестьянскаго выхода. Но эти мѣры проводятся въ грамотахъ внѣ прямой связи съ государственнымъ тягломъ, а скорѣе обусловлены или частною задолженностью (по отношенію къ монастырскимъ серебреникамъ), или же особыми осложнившимися подъ вліяніемъ времени условіями крестьянской аренды на частныхъ и государственныхъ (черныхъ) земляхъ (по отношенію къ крестьянамъ старожильцамъ).

Всѣ эти ограничительныя мѣры отнюдь не нашли себѣ полнаго выраженія въ первомъ общемъ московскомъ законѣ. Установивъ единообразный срокъ перехода и условія платы за пользованіе дворомъ, судебники не упоминаютъ ни о какихъ другихъ ограниченіяхъ. Значитъ ли это, что ихъ и не существовало за все это время? Едва ли это такъ. Въ спеціальной литературѣ неоднократно было обращено вниманіе на наличность условій, затрудняющихъ и даже совершенно устраняющихъ свободу крестьянскаго перехода, которыя продолжали существовать и развиваться даже помимо законодательныхъ опредѣленій силою живой практики въ теченіе всего XVI вѣка. Хотя эти указанія подвергнуты сомнѣнію, едва-ли, однако, можно считать ихъ окончательно устраненными. Защищать высказанныя мнѣнія во всемъ объемѣ мы не считаемъ возможнымъ. Но позволимъ себѣ отмѣтить нѣсколько данныхъ, не старше половины XVI вѣка, указывающихъ на

---

[1]) А. Э. I, №№ 18 и 21.

существованіе такихъ преградъ свободѣ крестьянскаго перехода, о которыхъ ничего не знаютъ судебники.

Недавно, между прочимъ, высказано мнѣніе, что судебникъ 1497 года, санкціонируя порядокъ вещей, сложившійся долгой практикой, „предоставляетъ право отказа всякимъ крестьянамъ, безъ различія тяглыхъ и нетяглыхъ". Не дѣлаетъ этого различія и судебникъ царскій. Указаны и факты въ подтвержденіе того, что это правило судебниковъ соблюдалось и на практикѣ: выходъ и вывозъ тяглыхъ крестьянъ считался совершенно законнымъ [1]). Но есть основаніе думать, что подобная практика вовсе не была общею и повсемѣстною. На ряду съ указанными фактами извѣстны и также отмѣчены свидѣтельства памятниковъ совершенно противоположныя. Въ уставной важской грамотѣ 1552 предоставлено право посадскимъ и волостнымъ людямъ „въ пустыя деревни и на пустоши и на старые селища хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ преже того" [2]). Рядомъ съ этимъ, въ жалованныхъ грамотахъ Строгановымъ 1564 и 1568 годовъ не только запрещено называть и принимать тяглыхъ и письменныхъ людей, но велѣно такихъ тяглецовъ, пріѣхавшихъ къ Строгановымъ, отсылать обратно на прежнія мѣста жительства по отпискамъ мѣстныхъ властей [3]). Къ этимъ свидѣтельствамъ можно еще присоединить болѣе древнее указаніе уставной грамоты (къ сожалѣнію, дефектной) крестьянамъ Маревской слободы 1530 года. Въ ней читаемъ: „....тяглый чрезъ сю мою грамоту, и слободчики его примутъ къ Солѣ жити, и мнѣ того велѣти опять назадъ отвезти, къ той Соли, отъ которой къ нимъ придетъ, а на слободчикѣхъ мнѣ велѣти взяти заповѣди 10 рублевъ московскую". Не смотря на дефектъ, можно съ очевидностью заключить изъ этихъ словъ, что грамотой не только запрещено принимать тяглыхъ людей, а пришедшихъ велѣно возвращать назадъ, но даже установленъ штрафъ за пріемъ такихъ людей. Такое толкованіе подтверждается и другимъ мѣстомъ той-же грамоты: „кто къ нимъ придетъ должной человѣкъ, нетяглой и неписменой, опричь слободчиковъ, которые въ сей грамотѣ писаны...." [4]). Выше-

---

[1]) Русск. юридич. древности, т. I, 197—198.

[2]) А. Э. I, стр. 238.

[3]) Д. къ А. И. I, стр. 169 и 173.

[4]) Тамъ же, № 26.

приведенныя указанія важской грамоты и грамотъ Строгановымъ послужили даже основаніемъ для вывода, что „со временъ Ив. Вас. Грознаго мы видимъ уже укрѣпленіе тяглыхъ людей.... Вообще со второй половины XVI вѣка съ тяглыми людьми обращаются уже какъ съ крѣпостными“ [1]). Эта догадка не получила должной оцѣнки, надо думать, потому, что основана на сравнительно незначительномъ числѣ фактовъ. Потому, вѣроятно, и самымъ фактамъ старались дать иное толкованіе. Такъ, напримѣръ, важное ограничительное правило уставной Важской грамоты объясняютъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, вызванное особыми условіями мѣстной жизни: жители Важскаго уѣзда „жаловались царю, что у нихъ многія деревни запустѣли отъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и доводчиковъ, что крестьяне отъ продажъ и тяжебъ разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу и просили отмѣнить намѣстниковъ и предоставить имъ управляться своими выборными. Государь соизволилъ, челобитье удовлетворилъ и предоставилъ вывозить ушедшихъ обратно. Предполагалось, конечно, что они и сами должны возвратиться, такъ какъ причина ухода ихъ уничтожена“ [2]). Такое толкованіе вызываетъ, однако, сомнѣніе и прежде всего относительно мотивовъ, вызвавшихъ будто бы эту исключительную законодательную мѣру. Можно подумать, что злоупотребленія намѣстниковъ въ связи съ реформой мѣстнаго управленія продиктовали московскому правительству экстренную и временную мѣру о выводѣ безсрочно и безпошлинно старыхъ тяглецовъ на прежнія мѣста ихъ жительства. Но изъ грамотъ Строгановымъ видно, что наравнѣ съ выборными головами намѣстники и волостели всѣхъ городовъ и волостей получили право вызывать обратно вышедшихъ тяглецовъ, и при томъ безразлично, вышли-ли они въ срокъ и съ отказомъ, или съ нарушеніемъ этихъ правилъ; по крайней мѣрѣ, грамоты говорятъ огульно о вышедшихъ тяглецахъ [3]). Несомнѣнно поэтому, что означенное ограниченіе перехода не стоитъ ни въ какой связи съ тою или иною организаціею мѣстнаго управленія.

---

[1]) *Б. Чичеринъ*, Опыты etc., 190.

[2]) Русск. юридич. древности, т. I, 241.

[3]) „А пріѣдетъ кто къ Григорью (въ другой грамотѣ: къ Якову) изъ иныхъ городовъ нашего государства или изъ волостей тяглые люди съ женами и съ дѣтьми и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати намѣстники или волостели или выборные головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтьми отсылати опять въ тѣ жъ городы, изъ котораго города о которыхъ людехъ отпишутъ именно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не пріимати ихъ“. Д. къ А. И. I, стр. 169 и 173.

Повидимому, ближе къ разгадкѣ вопроса подходитъ авторъ „Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи". Онъ указываетъ, что въ составѣ населенія владѣльческихъ вотчинъ можно отмѣтить два элемента: наряду съ населеніемъ „порядившимся" въ крестьянство, стало быть подвижнымъ, „мы вездѣ видимъ на владѣльческихъ земляхъ „старожильцевъ", живущихъ полвѣка или цѣлый вѣкъ на той же землѣ, на ней родившихся, съ нею перешедшихъ отъ владѣльца къ владѣльцу. Въ 1578 году встрѣчаемъ одну грамоту о невывозѣ монастырскихъ крестьянъ въ дворцовыя села, потому что они старожильцы, и „тѣ села и деревни за монастырь достались съ тѣми крестьяны". Несравненно чаще и раньше (?) это запрещеніе принимать крестьянъ—преимущественно съ княжескихъ, но иногда и съ владѣльческихъ земель—связывается съ фактомъ записки ихъ въ книги и въ тягло (въ вытп). Итакъ, фактическое пребываніе въ теченіе долгаго времени на одномъ мѣстѣ, вступленіе въ тяглую организацію, закрѣпленное книгами,—становится основаніемъ своего рода крѣпости, на ряду съ частными договорами" [1]). Къ сожалѣнію, изъ этихъ словъ нельзя вывести съ надлежащей опредѣленностью, о какой своеобразной крѣпости говоритъ авторъ, и къ какому времени слѣдуетъ относить описываемые имъ порядки. Если здѣсь имѣется въ виду сказанное раньше авторомъ о возникновеніи идеи тягла со временъ татарскихъ переписей, то все-же остается не совсѣмъ яснымъ выраженіе: „несравненно чаще и раньше", такъ какъ среди „явленій, доступныхъ наблюденію со второй половины XIV вѣка", старожильцы занимаютъ очень замѣтное положеніе на ряду съ письменными и тяглыми людьми.

Выше уже было замѣчено, что запрещеніе землевладѣльцамъ въ XIV—XV вѣкахъ перезывать и селить тяглыхъ людей указываетъ, что послѣдніе пользуются свободой перехода. При существованіи нѣсколькихъ княжествъ эта мѣра ограничивала права землевладѣльцевъ и лишь фактически стѣсняла свободу перехода. Съ объединеніемъ сѣверо-восточной Руси такое косвенное ограниченіе должно было-бы потерять свое значеніе, какъ излишнее: въ рукахъ московскаго правительства было достаточно прямыхъ средствъ, чтобы устранить невыгодное явленіе произвольнаго выхода изъ тягла. Однако старое правило, ограничивающее землевладѣльцевъ въ пріемѣ тяглецовъ, продолжаетъ существовать. За XVI вѣкъ можно отмѣтить нѣсколько ука-

[1]) *П. Милюковъ*, Спорные вопросы, стр. 31; ср. стр. 20.

заній подобнаго рода [1]). Съ одной стороны, эти предписанія грамотъ могли имѣть простое значеніе переживанія старыхъ порядковъ; съ другой—они могли и должны были получить иной смыслъ соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ и привести мало по малу къ выработкѣ правила, получившаго выраженіе не только въ уставной важской грамотѣ и въ грамотахъ Строгановымъ, но и въ другихъ аналогичныхъ документахъ.

Подтвержденіемъ тому могутъ служить и напечатанныя въ приложеніяхъ грамоты. Изъ нихъ видно, какая упорная борьба ведется между тяглыми общинами и землевладѣльцами (монастырями) изъ-за каждаго лишняго тяглеца. Тяглыя рыболовьи или городскія тяглыя общины не упускаютъ случая, чтобы оттягать у монастырей ихъ жильцовъ и приписать ихъ въ свое тягло. Монастыри борются противъ такихъ захватовъ всѣми имѣющимися средствами и въ жалобахъ на имя государя не щадятъ красокъ, чтобы подтвердить свои права

---

[1]) Въ жалованной грамотѣ 1517 г. на дикіе лѣса въ Устюж. уѣздѣ: „и кого къ собѣ.... и моее в. кн. отчины и неписменныхъ“, А. Э. I, № 163; въ жал. гр. на дикія мѣста въ Двинскомъ уѣздѣ 1524 г.: „людей къ себѣ звати на тѣ мѣста нетяглыхъ и неписменныхъ.... а писменныхъ тяглыхъ и лихихъ людеи къ себѣ не принимати“, тамъ-же, № 385; въ грамотѣ вологодскимъ оброчнымъ сокольникамъ 1540 г.: „и кого къ себѣ ни призовутъ на тотъ лѣсъ жити людей неписменныхъ и не тяглыхъ“, А. И. I, № 295; то же повторено въ грамотѣ 1548 г., тамъ-же, № 301; въ грамотѣ 1541 сент. 22 Рождественскому Богородицкому монастырю въ г. Владимірѣ на с. Батюшково: „и архимандриту въ то село называти крестьянъ неписменныхъ и нетяглыхъ“, Арх. М. Ю., Владимір. у. № $\frac{17}{1794}$; въ грам. 1546 г. вигчанамъ Шестаковскаго городка: „которые учнутъ нынѣ приходити на лѣсъ жити неписменные и нетяглые“, А. Э. I, № 210; въ грам. 1547 г. Вассіановой пустыни въ Каргопол. уѣздѣ: „лѣсъ сѣчи и дворы ставити и пашню пахати и людей къ себѣ называти не писменныхъ и не тяглыхъ“, А. И. I, № 147; въ льготной грамотѣ 1575 г. Ив. Гр. Пагому на запустѣвшія вотчины: „а называти ему на льготу крестьянъ, отъ отцовъ дѣтей, отъ братей братью и отъ дядь племянниковъ и отъ сусѣдъ захребетниковъ, а не съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ; а съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу ему крестьянъ не называти“, Арх. М. Ю., Юрьевск. у. № $\frac{30}{14580}$; въ писцовой книгѣ 1580 г. земель в. кн. Семіона Бекбулатовича въ Тверскомъ уѣздѣ: „а на пустыя выти называти жильцовъ на льготу, отъ отцовъ дѣтей, отъ дядья племянниковъ, или кто нибуди заволостной порядитца..., а тутошныхъ крестьянъ сетчанъ и деревенщиковъ съ пашенъ въ тѣ пустые дворы не рядити“, Писц. книги М. государства I, отд. II, стр. 294, 329 и 336; въ грам. 1584 г. митр. Діонисію на слободку Святославлю: „людей моихъ изъ всѣхъ нашихъ городовъ и селъ въ слободку не пріимати, а мнѣ царю и в. кн. въ свою отчину во всѣ городы и въ села слободчанъ не пріимати“, А. И. I, № 215.

и доказать незаконность притязаній тяглыхъ общинъ. Въ этихъ жалобахъ и доказательствахъ прежде всего заслуживаетъ вниманія одна отрицательная подробность: въ нихъ нѣтъ ссылокъ на нарушеніе или выполненіе правилъ судебниковъ о крестьянскомъ отказѣ. Идетъ ли рѣчь о томъ, какъ и когда оказались за монастыремъ тѣ или другіе жильцы и крестьяне, или о томъ, что этихъ жильцовъ переводятъ къ себѣ въ тягло на посадъ посадскіе люди,—о Юрьевѣ днѣ ни разу не вспоминается. Чтобы подтвердить законность своихъ правъ и несостоятельность притязаній противной стороны, монастыри и посады приводятъ различныя доказательства, но въ числѣ ихъ о свободѣ крестьянскаго перехода въ Юрьевъ день рѣчи уже нѣтъ. Знаменательная подробность! Какимъ же доказательствамъ монастырскія власти придаютъ рѣшающее значеніе? Между ними обращаютъ на себя вниманіе ссылки двоякаго рода: по однимъ—переходъ крестьянъ въ разрядъ монастырскихъ жильцовъ оправдывается и представляется монастырскимъ властямъ правомѣрнымъ потому только, что перезванные крестьяне оставили вмѣсто себя на прежнихъ мѣстахъ новыхъ жильцовъ; по другимъ—монастыри считаютъ домогательства тяглыхъ общинъ перевести на посадъ въ тягло монастырскихъ жильцовъ потому неправильными и незаконными, что эти люди—старинные монастырскіе жильцы, старожильцы.

Ссылки перваго рода столь категоричны, что не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Такъ, изъ грамоты нижегородскимъ ключникамъ 1576 года видно, что власти Новодѣвичья монастыря призвали на свой монастырскій дворъ трехъ крестьянъ нижегородскихъ, „а жили де они въ черныхъ тяглыхъ дворѣхъ, а какъ вышли въ ихъ монастырскій дворъ и они посадили въ своихъ дворѣхъ иныхъ жилцовъ". Такъ какъ нижегородскіе цѣловальники „емлютъ ихъ на черныя на тяглыя мѣста, въ старые ихъ дворы", то игуменья съ сестрами и обратились къ государю съ просьбой,—этихъ трехъ крестьянъ „съ ихъ монастырскаго двора въ посадцкіе въ тяглые дворы имати не велѣти". Царь удовлетворилъ это челобитье [1]). Въ другой грамотѣ 1582 года переяславскимъ городовымъ прикащикамъ приводится жалоба архимандрита Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, что съ монастырскаго осаднаго двора переяславскіе посадскіе люди вывезли монастырскаго дворника „сильно не по нашему указу. А тотъ де Демка пришелъ въ монастырской дворъ въ дворники изъ села изъ Первятина, а жилъ де онъ

[1]) Приложеніе I.

въ селѣ въ Первятинѣ въ бобыляхъ, а не на пашнѣ. А какъ де изъ села изъ Первятина въ Переяславль на посадъ на монастырской дворъ въ дворники вышелъ и въ свое де мѣсто въ селѣ Первятинѣ жильца оставилъ" [1]). Отсюда видно, что для законности перехода даже по отношенію къ тяглымъ крестьянамъ считалось совершенно достаточнымъ посадить при выходѣ на свое мѣсто другаго жильца, при чемъ не упоминается ни о какомъ установленномъ для перехода срокѣ. Выгодная сторона этого вида перехода для землевладѣльцевъ и тяглыхъ общинъ очевидна; лишь бы оставленный жилецъ принялъ на себя всецѣло покинутое тягло. Поэтому, вѣроятно, и въ крестьянскихъ порядныхъ и поручныхъ встрѣчается, между прочимъ, условіе при выходѣ „жильца посадить" или проще „земли въ пустѣ не покинуть" [2]). Помянутая грамота 1582 года даетъ еще поводъ къ предположенію, что эта форма перехода получила законодательную санкцію, такъ какъ выводъ такихъ перезванныхъ жильцовъ въ тягло на посадъ названъ въ грамотѣ два раза насильственнымъ, противорѣчащимъ государеву указу: въ грамотѣ говорится „вывезли сильно, не по нашему указу", „хотятъ вывести сильно, не по нашему указу". Въ виду приведенныхъ данныхъ высказанное уже, но недостаточно подкрѣпленное, мнѣніе о существованіи особой формы перехода для тяглыхъ крестьянъ получаетъ новое подтвержденіе [3]); остается лишь открытымъ вопросъ, когда возникъ и санкціонированъ этотъ видъ перехода: до судебника 1550 года или позднѣе.

Переходимъ къ разсмотрѣнію явленій другаго порядка. Монастыри считаютъ своимъ правомъ не выпускать изъ-за себя жильцовъ, не смотря на домогательство тяглыхъ общинъ и дворцовыхъ приказныхъ людей, потому что считаютъ этихъ жильцовъ своими старожильцами. Такъ, въ грамотѣ 1577 года указывается, что архимандритъ Спасскаго

---

[1]) Приложеніе IV.

[2]) А. Ю. №№ 187 (1596) и 290 II (1608) и IV (1610).

[3]) *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2, стр. 76: „была и другая форма перехода для тяглыхъ крестьянъ,—крестьянинъ имѣлъ право продать свой дворъ или пріискать на свое мѣсто жильца, который бы принялъ на себя всѣ обязанности члена общины; и тогда крестьянинъ, пріискавшій такого жильца, имѣлъ полную свободу переходить куда угодно и въ какой угодно срокъ, но не освобождался отъ платежа за пожилое". Единственная ссылка автора на соловецкую уставную грамоту не подтверждаетъ всего сказаннаго въ текстѣ; въ ней идетъ рѣчь о монастырскихъ крестьянахъ и предусмотрѣнъ лишь случай продажи жеребья съ уплатой за то пошлинъ. Ср. *В. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостнаго права, *Русская Мысль*, 1885, окт., стр. 11—12, 23—24.

монастыря въ Ярославлѣ не хочетъ допустить вывоза крестьянъ изъ монастырскихъ деревень въ дворцовое село Давыдково, такъ какъ „тѣ крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ старожильцы“ [1]). Изъ другой грамоты 1587 года видно, что власти Троице-Сергіева монастыря жаловались на переяславскаго государева ключника, который „у нихъ взялъ ихъ троецкаго неводчика Левку невѣдомо почему“. Бояринъ и дворецкій Гр. Вас. Годуновъ предписалъ городовому прикащику про Левку сыскать, „да будетъ въ обыску скажютъ, что тотъ неводчикъ Левка истари троецкой.... и ты бъ его отдалъ назадъ къ Троецѣ“ [2]).

Обычный институтъ старожильства представляетъ одно изъ любопытныхъ, но къ сожалѣнію мало выясненныхъ, явленій общественнаго быта древней Руси. Онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ московскихъ государей; корни его восходятъ къ глубокой старинѣ: еще Псковская судная грамота знаетъ „старыхъ изорниковъ“. Не смотря однако на столь продолжительный періодъ своего существованія, этотъ институтъ въ своихъ основныхъ чертахъ заключаетъ много неопредѣленнаго и неяснаго. Поэтому, конечно, и то немногое, что высказано въ литературѣ о старожильцахъ, очень мало выясняетъ ихъ бытовыя и юридическія особенности. Кто считался старожильцемъ, и въ чемъ заключались особенности ихъ положенія среди сельскаго населенія древней Руси? Дать категорическій отвѣтъ на эти вопросы представляетъ значительныя трудности. Предлагаемъ попытку представить сводъ хотя нѣкоторыхъ чертъ этого института.

Памятники XIV—XVI вѣковъ нерѣдко говорятъ о старожильцахъ, но соединяютъ съ этимъ терминомъ не тождественныя понятія. Кромѣ старожильцевъ среди сельскаго населенія, живущаго на частныхъ и черныхъ земляхъ, памятники чаще упоминаютъ о старожильцахъ, какъ о своего рода свидѣтеляхъ-послухахъ въ поземельныхъ процессахъ, показаніями которыхъ провѣряются утвержденія сторонъ о правахъ на владѣніе тѣми или другими участками земли или о границахъ такихъ участковъ. Каждая сторона представляетъ своихъ особыхъ старожильцевъ, которые должны были не только подтвердить всѣ заявленія сославшейся на нихъ стороны, но еще подкрѣпить свои показанія крестнымъ цѣлованіемъ и готовностью выйдти „на поле битися“

---

[1]) Приложеніе III.

[2]) Приложеніе V.

съ старожильцами противной стороны [1]). Эти „судные старожильцы", конечно, не совпадаютъ по своимъ признакамъ съ сельскими старожильцами-арендаторами. Въ числѣ судныхъ старожильцевъ могли быть люди весьма различныхъ профессій и общественныхъ положеній [2]), хотя фактически крестьяне являлись въ этой роли гораздо чаще, чѣмъ другіе разряды населенія. Главное требованіе, которому долженъ удовлетворять судный старожилецъ, помимо условія быть „добрымъ мужемъ", сводилось къ тому, что онъ долженъ помнить мѣстныя условія за много лѣтъ назадъ, быть „знахаремъ". Чѣмъ дальше въ глубь временъ проникала память старожильца, тѣмъ чаще могли понадобиться его показанія. Изъ судныхъ дѣлъ видно, что въ качествѣ старожильцевъ фигурировали лица, помнящія за 100 и даже болѣе лѣтъ. Но на ряду съ ними встрѣчаются и такіе старожильцы, которые помнятъ только за 20 и даже за 15 лѣтъ [3]). И эти „молодые старожильцы" допускаются на судъ также свободно, какъ и старожильцы древніе, и нельзя утверждать, чтобы судьи различнымъ образомъ цѣнили показанія тѣхъ и другихъ.

Спрашивается, были ли судные старожильцы изъ крестьянъ въ то же время старожильцами арендаторами у землевладѣльцевъ и тяглыхъ общинъ? Такое совпаденіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, могло имѣть мѣсто [4]). Но помимо случайнаго совпаденія старо-

---

[1]) Ср. *Н. Дювернуа.* Источники права и судъ въ древней Россіи, 391—399.

[2]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго I, стр. 68, 79, 122 и проч.; Опис. докум., арх. мин. юст. IV, стр. 105.

[3]) Акты Ѳед.-Чех. I, стр. 20, 46, 71 и др.

[4]) Въ судномъ дѣлѣ между Ѳерапонтовымъ и Кирилловымъ монастырями о пожнѣ 1505—1533 г. старожилецъ Гридка Мелеховъ сказалъ: „а язъ помню за 60 лѣтъ; а отецъ мой, живучи за Ѳерапонтовымъ монастыремъ, косилъ ту пожню 60 лѣтъ, а язъ косилъ и нынѣча 40 лѣтъ и до лонского лѣта"; старожилецъ другой стороны показалъ: „язъ помню 30 лѣтъ... а язъ Якуня и нынѣча ту пожню кошу изъ Кириловскіе деревни изъ Костровскіе полтретьятцать лѣтъ" (А. Ѳ. Ч. I. 2). Въ другомъ дѣлѣ того же времени между тѣми же монастырями старожилецъ сказалъ, что помнитъ за 30 лѣтъ, „да преже меня отецъ мой косилъ тѣ пожни, живучи за Ѳерапонтовымъ монастыремъ 40 лѣтъ" (ib. 9). Въ спорѣ Залѣсской волости съ Троицкимъ монастыремъ 1505—1533 г. одинъ старожилецъ показалъ: „язъ живу въ Матковской деревнѣ въ монастырской 20 лѣтъ да 2 и ту пустошь кошу" (ib. 12). Особенно любопытны показанія старожильцевъ въ тяжбѣ Мохрищскаго монастыря съ крестьяниномъ Давыдкомъ Шоболдой о деревнѣ Ѳедешинѣ половины XV вѣка: „И Юреня до Перхуръ тако рекли: мы жили въ той деревнѣ при Олександрѣ при Володимеровичѣ 10 лѣтъ, а ту землю есмя пахали Лаптевскую, да опять то село Зеленцыно далъ Олександръ и съ тою де-

жильство судное должно было удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, подъ которыя могли и не подойдти старожильцы арендаторы. Въ судные старожильцы нужно было „ставиться", то-есть, принять на себя обязательство выступить старожильцемъ на судѣ со стороны истца или отвѣтчика; старожильцы должны были соотвѣтствовать нѣкоторымъ условіямъ нравственнымъ и общественнымъ, обезпечивающимъ за ними безпристрастіе показаній; иначе судъ или противная сторона могли ихъ отвести [1]). Но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и одной общей черты того и другаго вида старожильства: это извѣстная давность поселенія или жительства. Сколько-же времени нужно было прожить на землѣ, чтобы считаться крестьяниномъ старожильцемъ? Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ памятники не даютъ. Безспорно, что крестьяне, сидящіе на участкахъ 15—20 лѣтъ и болѣе, какъ видно изъ указанныхъ документовъ, считаются старожильцами. По свидѣтельствамъ другихъ источниковъ можно заключить, что порядившіеся вновь во крестьяне, даже перешедшіе изъ другихъ княжествъ и получившіе различныя податныя льготы, по истеченіи 10 лѣтъ приравнивались, по крайней мѣрѣ по своему податному положенію, мѣстнымъ старожильцамъ [2]). Но признать и этотъ 10-тилѣтній срокъ минимальнымъ для возникновенія старожильства нельзя. Памятники нерѣдко говорятъ о старожильцахъ въ общихъ выраженіяхъ, называя старожильцами крестьянъ, „которые въ тѣхъ деревняхъ напередъ сего живали", или „которые люди у нихъ туто живутъ тутош-

ревнею... монастырю къ Троицѣ по сыну, и мы жили за монастыремъ пять лѣтъ, а ту землю есмя пахали. Язь Максимко жилъ въ той же деревнѣ Феденинѣ за монастыремъ 5 лѣтъ, а то же есми селищо Лаптево пахалъ. А Буженина такъ рекъ: язъ туто жилъ въ той деревнѣ Феденинѣ 2 году, а ту землю есми Лаптевскую пахалъ" (ib. 31). Ср. еще стр. 34, 125, 130 и др.

[1]) „Широкой Кузьминъ писцомъ являлъ, что его били Третьяковы люди, потому что ставился въ старожильцы у старцевъ". „Писцы старца Сергѣя отъ старожильства отставили, п. ч. Ворбозомскіе волостіяня ищутъ на всѣхъ старцахъ, а онъ хочетъ въ старожильцехъ отводити землю". „Троецкой слуга Ивашко билъ челомъ писцамъ, а сказалъ: ставятъ, господине, въ старожильцехъ балахонцы... Васка кабатчика, а тотъ Васко не доброй человѣкъ: прежъ того онъ на Балахнѣ и кнутьемъ битъ" (А. Ѳ. Ч. I, 78, 122, 209). „Ино знахарю Гридкѣ Алексѣеву тридцати лѣтъ отъ роду нѣтъ, и ты, господине судья, обыщи лѣта его, да постави его передъ вел. княземъ" (Оп. докум. арх. мин. юст. IV, 107). Ср. *Лебедевъ*, Собраніе историко-юридическихъ актовъ Бѣляева, стр. 8—11.

[2]) Въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю 1410—1417 гг. перезваннымъ инокняженцамъ предоставлена льгота на 10 лѣтъ: „а уживутъ 10 лѣтъ и они потянутъ съ старожильцы по силѣ" (А. Э. I, № 17; ср. № 20).

ніе старожильцы", или „тутошніе старожильцы, которые прежъ того туто-жъ живали" [1]), безъ всякаго опредѣленія срока жительства. Въ этомъ смыслѣ памятники противополагаютъ старожильцевъ крестьянамъ, перезваннымъ изъ иныхъ княженій, вновь порядившимся на пашню, людямъ пришлымъ, „новикамъ" или „новоприходцамъ" [2]). Мало того. Изъ обычнаго правила—не принимать мѣстныхъ крестьянъ—княжескія правительства допускали любопытное изъятіе: землевладѣльцы могли перезывать обратно жившихъ уже у нихъ крестьянъ, хотя бы они перешли къ кому-либо и въ предѣлахъ княжеской территоріи. Эта категорія крестьянъ тоже носитъ названіе старожильцевъ: „и кого къ себѣ призовутъ людей жити на тѣ земли старожильцевъ, которые будутъ и прежъ того на нихъ живали"; или: „кого призовутъ на тѣ земли на пустые жити людей старожильцевъ, которые будутъ перeжъ сево живали на тѣхъ земляхъ, а придутъ къ нимъ опять на своѣ мѣста" [3]). Эти *пришлые* старожильцы окончательно спутываютъ терминологію и мѣшаютъ расчленить разряды сельскихъ арендаторовъ не только для современнаго изслѣдователя, но, можно думать, и для наблюдателя той эпохи. Если крестьянинъ, порядившійся безъ срока и затѣмъ черезъ годъ перешедшій въ дворцовую вотчину, могъ быть перезванъ обратно въ установленный для перехода срокъ на томъ только основаніи, что онъ и раньше жилъ у того же хозяина, то такой крестьянинъ одновременно могъ оказаться старожильцемъ по отношенію къ двумъ и даже нѣсколькимъ землевладѣльцамъ. Не беремся утверждать, что такая запутанность отношеній могла имѣть важныя юридическія послѣдствія уже въ XV вѣкѣ. Но въ XVI столѣтіи, съ постепенной выработкой идеи прикрѣпленія къ тяглу, такая неопредѣленность несомнѣнно приводила къ неоднократнымъ жалобамъ и процессамъ. Вышеуказанныя грамоты 1577 и 1587 гг. служатъ тому наглядньмъ подтвержденіемъ. Но онѣ-же убѣждаютъ и въ томъ, что само правительство не имѣло въ рукахъ готоваго критерія для правильнаго разрѣшенія такихъ споровъ. Въ одномъ случаѣ оно предоставило мѣстной власти произвести обыскъ, и если въ обыскѣ подтвердятъ, что неводчикъ

---

[1]) Акты Ѳед. Чет. I, 216 (1598); А. Ю. Б. I, № 31 XII (1453); А. Ѳ. I, № 44 (1449); Опис. докум. арх. м. ю. IV, 109 (1462).

[2]) А. Э. I. №№ 53 (1453), 56 (1455), 374 (1455); А. И. I. №№ 49 (1450), 74 (1462—1467), 108 (1499); Д. къ А. И. I. № 201 (1468).

[3]) А. Э. I, № 51 (1453); А. Ю. Б. I, № 31 XIX (1471). Ср. *Горбуновъ*, Льготныя грамоты, *Арх. Калачова* 1860—1861 г., кн. V, 26—27.

Левка *изстари* троицкій, то предписывалось его вернуть монастырю. Въ другомъ случаѣ велѣно сыскать: „тѣ крестьяне преже сего въ селѣ Давыдковѣ живали-ли; и будетъ живали, *сколь давно* вышли, о срокѣ-ли Юрьевѣ дни и съ отказомъ, или не о срокѣ, безъ отказу и безпошлинно... и мы по обыску о тѣхъ крестьянѣхъ указъ учинимъ". Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ рѣшенъ этотъ споръ о старожильцахъ. Можно, однако, усомниться въ томъ, чтобы добытыя слѣдствіемъ въ томъ или другомъ случаѣ данныя были разрѣшены на основаніи одного общаго правила, такъ какъ, повидимому, и не существовало общей нормы для разрѣшенія коллизіи правъ землевладѣльцевъ и тяглыхъ общинъ на однихъ и тѣхъ же старожильцевъ.

Такъ какъ законодательство медлило прійдти на помощь такимъ настоятельнымъ запросамъ жизни, то сама практика стремилась восполнить этотъ законодательный пробѣлъ. Въ своихъ спорахъ о преимущественныхъ правахъ на крестьянъ старожильцевъ стороны приводятъ въ подтвержденіе своихъ правъ ссылки не на порядныя и не на правильность крестьянскаго перехода, а на офиціальныя описи и различные документы, утвержденные правительствомъ. Занесеніе въ такіе документы крестьянъ и является презумпціею ихъ старожильства у даннаго владѣльца или на данномъ мѣстѣ. Такъ, власти Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ утверждаютъ, что спорные крестьяне должны считаться монастырскими старожильцами потому, что „тѣ села и деревни за монастырь досталися съ тѣми крестьяны". Но переходъ недвижимой собственности въ монастыри въ то время могъ состояться лишь съ доклада государю, который обыкновенно выдавалъ на села и деревни жалованную грамоту, а на крестьянъ послушную, при чемъ нерѣдко производилась и опись имѣнія. Еще убѣдительнѣе подтверждаетъ эту догадку судное дѣло между Благовѣщенскимъ Нижегородскимъ монастыремъ и посадскою общиной изъ-за монастырскихъ бобылей, которое тянулось свыше 40 лѣтъ.

Началось это дѣло еще въ 1592 году. Нижегородскіе земскіе цѣловальники жаловались на благовѣщенскаго архимандрита, что онъ будто бы завладѣлъ городскимъ выгономъ, и что за монастыремъ „торговые люди на ихъ посадцкихъ на дворовыхъ мѣстѣхъ живутъ и торгуютъ всякими товары, а тягла государева съ посадцкими людми не тянутъ и здѣлья никотораго не дѣлаютъ". Монастырскія власти объяснили дѣло совсѣмъ иначе, утверждая, что земли издавна принадлежатъ монастырю, и въ 12 бобыльскихъ дворахъ, которые поставлены подъ монастыремъ, „тѣ бобыли не посадцкіе

люди, пришли изъ дальнихъ мѣстъ и дворишки поставили на монастырской землѣ на пустыхъ мѣстѣхъ"; этихъ то бобылей посадскіе люди и приписываютъ къ посаду въ тягло [1]). Чѣмъ кончилось дѣло на этотъ разъ, не извѣстно. Но оно возникло вновь послѣ 1619 г., когда по постановленію земскаго собора производился сыскъ закладчиковъ для приписки ихъ въ тягло. Не смотря на старанія монастырскихъ властей отстоять монастырскую слободку, населенную бобылями и дѣтенышами, въ 1631 г. изъ этой слободки взято на посадъ 75 человѣкъ крестьянъ, а въ слободкѣ были оставлены только „монастырскіе старинные крестьяне по писцовымъ книгамъ". Однако посадская община не удовлетворилась такимъ исходомъ дѣла и, вопреки предписаніямъ изъ Москвы, неоднократно обнаруживала твердую рѣшимость привлечь въ тягло и этихъ оставшихся за монастыремъ крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ земскіе старосты росписали этихъ крестьянъ по своимъ посадскимъ десятнямъ, и сборщики податей облагали ихъ не особо, а вмѣстѣ съ посадомъ и при томъ очень тяжело, по указанію посадскихъ окладчиковъ. Въ маѣ 1633 г. монастырскія власти подали челобитную, въ которой указываютъ, что „нынѣ земскіе старосты на ихъ монастырскихъ крестьянъ похваляются, хотятъ ихъ всѣхъ росписати по своимъ десятнямъ, а говорятъ: какъ де монастырскіе крестьяне въ ихъ посадцкихъ десятняхъ *застарѣютъ*, и та де монастырская слободка и вся будетъ посадцкая". Съ своей стороны, монастырскія власти въ октябрѣ 1634 г. сослались въ подтвержденіе своихъ правъ на то, что, когда архимандритъ Іона въ 1632 г. былъ посланъ въ монастырь, и монастырь ему *отписанъ*, „тѣ де ихъ бобыли, которыхъ посадцкіе люди называютъ новоприбылыми людми и закладчики, въ отписныхъ книгахъ въ 140-мъ году ему архимандриту *отписаны*, а сверхъ отписныхъ книгъ въ Благовѣщенской слободкѣ у нихъ бобылей никого не прибыло". Посадскимъ людямъ удалось добыть изъ Москвы грамоту, на основаніи которой велѣно было оставить въ слободѣ только 54 человѣка, которые „въ писцовыхъ книгахъ за монастыремъ записаны", а прочихъ взять на посадъ, „для того что они за монастыремъ въ писцовыхъ книгахъ не записаны". Но власти обратили этотъ аргументъ въ свое оправданіе, указавъ на то, что въ писцовыхъ книгахъ „тѣ ихъ бобыли за монастыремъ не записаны, потому что сошлись за Благовѣщенскій монастырь послѣ писцовъ изъ разныхъ городовъ

[1]) Бѣляевскій сборникъ Румянцевскаго музея № 1621, л. 291—294.

вольные люди и живутъ за Благовѣщенскимъ монастыремъ лѣтъ по 7 и по 8 и по 10 и болши, а въ Нижнемъ де на посадѣ не живали и въ писцовыхъ книгахъ къ посаду не приписаны". На этотъ разъ, какъ видно изъ грамотъ февраля 22-го и марта 7-го 1636 г., побѣда осталась за монастыремъ [1]).

Хотя это дѣло относится къ болѣе поздней эпохѣ, но описанная въ немъ практика—старая: борющіяся стороны стремятся обосновать свои права на крестьянъ давностью, старожильствомъ. Любопытно въ данномъ примѣрѣ особенно то, что здѣсь мы встрѣчаемся съ *стариной* или только что возникшей, или даже еще возникающей. И въ томъ и въ другомъ случаѣ подтвержденіемъ ея являются офиціальные документы: опись монастырскаго имущества при вступленіи въ должность архимандрита или роспись по тяглымъ десятнямъ, подтвержденная платежными росписками. Но первый изъ документовъ не старѣе двухъ лѣтъ; документальное же подтвержденіе втораго рода еще только подготовлено, но не возникло. Едва ли однако можно сомнѣваться въ томъ, что застарѣть въ десятняхъ можно было въ столь же краткій срокъ [2]). Изъ этихъ сопоставленій еще болѣе уясняется значеніе и вышеприведенной ссылки Спасо-Ярославскаго монастыря на то, что „села и деревни достались за монастырь съ тѣми крестьяны", и вскрываются всѣ трудности обысковъ о старожильствѣ.

При такихъ условіяхъ юридическое значеніе писцовыхъ книгъ получаетъ новое освѣщеніе. Если въ подтвержденіе старожильства приводятся частныя описи и росписи разнаго рода, то рѣшающее значеніе общихъ писцовыхъ книгъ въ такихъ вопросахъ явствуетъ само собой. Стороны не упускаютъ случая привести въ свою пользу и отрицательныя данныя этихъ документовъ, ссылаясь, напримѣръ, на то, что въ писцовыхъ книгахъ крестьяне за монастыремъ не записаны или къ посаду не приписаны. Но и онѣ не смѣютъ оспаривать старины по писцовымъ книгамъ: люди, „которые въ писцовыхъ книгахъ за монастыремъ записаны", или „старинные монастырскіе крестьяне по писцовымъ книгамъ" остаются внѣ спора и по предписаніямъ изъ Москвы.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ отмѣтить одну подробность писцовыхъ книгъ, содержащихъ описи крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и людей въ нихъ. Регистрируя имена, прозвища, занятія и размѣръ

---

[1]) Бѣляевскій сборн. Рум. музея № 1621, лл. 306—323.

[2]) Подобные же факты за первую половину XVII вѣка отмѣчены проф. *В. О. Ключевскимъ*: см. *Русск. Мысль* 1885, октябрь, стр. 38—40.

пашни за каждымъ, писцы противъ нѣкоторыхъ именъ отмѣчали: „прихожей" или „приходецъ". Такія отмѣтки находятся уже въ переписной оброчной книгѣ Деревской пятины 1495 г. Гораздо чаще ихъ можно встрѣтить въ писцовыхъ книгахъ 80-хъ и 90-хъ годовъ XVI вѣка [1]). Въ чемъ смыслъ такихъ отмѣтокъ? Ихъ юридическое значеніе, кажется, можетъ быть толкуемо двояко: или приходцы отмѣчались для отличія ихъ отъ старожильцевъ, или же эти отмѣтки имѣли финансовое значеніе, такъ какъ вновь поселившіеся крестьяне нерѣдко, и даже по общему правилу, пользовались льготами. Но въ томъ и другомъ случаѣ эти отмѣтки могли имѣть важное значеніе въ спорахъ о старожильствѣ.

Но если старожильцы являлись въ составѣ сельскаго населенія разрядомъ, довольно трудно отличимымъ отъ другихъ земледѣльческихъ группъ, если даже нельзя указать такихъ общихъ юридическихъ признаковъ, по которымъ можно было бы всегда распознать старожильца отъ новика, то спрашивается, въ чемъ же особенности ихъ положенія, и можно ли вообще въ исторіи права говорить о нихъ? Какъ ни странно это съ перваго взгляда, но мы полагаемъ, что на послѣдній вопросъ долженъ быть данъ утвердительный отвѣтъ.

Въ исторической литературѣ по поводу статьи Псковской судной грамоты о старыхъ изорникахъ уже высказано было мнѣніе, что „на основаніи слова „старый" мы входимъ въ кругъ юридическихъ явленій, достовѣрно извѣстныхъ изъ другихъ памятниковъ: старый, непохожій человѣкъ вступалъ въ обязательныя отношенія болѣе строгія, чѣмъ крестьянинъ вновь пришедшій къ землевладѣльцу (сл. Пам. Кіев. Комм. I, 2, стр. 2—3 и др.). Изъ предыдущихъ статей (42—44) мы видѣли, что изорникъ обязанъ былъ землевладѣльцу только арендною платою ежегоднаго дохода и единовременною уплатою покруты (если получалъ ее); но старый изорникъ обязывается еще подводною повинностью. Усиленіе строгости обязательствъ наемщика земли, въ силу одной давности, есть явленіе высокаго интереса въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ" [2]). Но если для юго-

[1]) Новгородскія писцовыя книги, изд. Арх. комм., I, 308; Списокъ съ писцовыхъ книгъ по Новгороду въ Арх. м. ю. №№ 8543 и 8544 (Шелонская пятина), лл. 479, 598, 638, 652, 654, 671—672; книга 302, № 10 (Деревская пятина), лл. 3, 99; Писцовыя книги Москов. государства, ч. I, отд. I, стр. 280, 281, 283—290, 733, 738, 748, 758, 781, 851, 853 и проч.; отд. II, стр. 291—403.

[2]) *М. Владимірскій-Будановъ*, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, прим. 155 къ Псковской судной грамотѣ.

западной Руси особенности юридическаго положенія старожильцевъ безспорно констатированы, то по отношенію къ Руси сѣверной и сѣверо-восточной намъ неизвѣстны аналогичныя литературныя указанія, кромѣ только что указаннаго мнѣнія по поводу ст. 75 Псковской судной грамоты. Въ подкрѣпленіе указаннаго мнѣнія можно, однако, привести два ряда фактовъ: одни указываютъ финансовыя особенности въ положеніи старожильцевъ; другіе даютъ основаніе заключить, что право перехода стало ограничиваться для старожильцевъ раньше, чѣмъ для другихъ категорій крестьянъ.

Многочисленныя жалованныя льготныя грамоты второй половины XV вѣка проводятъ между старожильцами и пришлыми крестьянами то различіе, что финансовыя льготы предоставляются обыкновенно только пришлымъ крестьянамъ или же предоставляются имъ на болѣе продолжительный срокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда льготы распространяются и на старожильцевъ. Указанное различіе является столь общераспространеннымъ, что едва ли нужно подтверждать его спеціальными ссылками. Но мы не можемъ указать ни одного факта въ подтвержденіе того, что податныя обязательства съемщика земли возростали бы въ силу одной давности. Наоборотъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать даже спеціальныя привилегіи для изстаринныхъ крестьянъ и старожильцевъ, хотя обобщать такіе случаи было бы преждевременно [1]).

Факты второго порядка представляютъ особенный интересъ, такъ какъ относятся къ вопросу о крестьянскомъ переходѣ. Укажемъ эти факты. Первыя грамоты, которыми окончательно воспрещенъ крестьянскій выходъ изъ нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинъ, относятся къ началу второй половины XV вѣка. Такихъ грамотъ до сихъ поръ извѣстно двѣ. По одной изъ нихъ 1455—1462 гг., великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ Троицкаго игумена: „котораго ихъ крестьянина изо того села и изъ деревень кто къ собѣ откажотъ, а ихъ *старожилца*, и язъ князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому“ [2]). Это первое мѣстное закрѣпленіе постигаетъ такимъ образомъ только крестьянъ

---

[1]) По жалованной грамотѣ Кириллову монастырю 1397—1432 г. можайскій князь не велѣлъ ѣздить ловцамъ съ Городка на озеро, которое подъ монастыремъ, „опричь старожильцовъ, которые живутъ около озера“ (Р. И. Б. II, № 11). Митр. Даніилъ выдалъ въ 1527 г. своему изстаринному крестьянину жалованную грамоту на митрополичьи деревни (А. Э. I. № 74).

[2]) А. И. I, № 59.

старожильцевъ Вторая грамота того же времени [1]) о старожильцахъ не говоритъ; она употребляетъ терминъ довольно общій—„монастырскіе люди". Но что это за люди? Въ грамотѣ указано, что монастырскіе люди вышли изъ монастырскихъ селъ Углецкаго уѣзда въ села великокняжескія и боярскія, „не хотя ѣхати на службу великаго князя къ берегу". Князь велѣлъ этихъ людей вывести назадъ; „а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче", тѣхъ людей князь великій не велѣлъ пущати прочь. Люди, живущіе въ селахъ и пользующіеся правомъ выхода, конечно, крестьяне; такъ обыкновенно и толкуется этотъ терминъ. Они ушли, не желая выполнять натуральную повинность княжеской службы. Служба на берегу—это, вѣроятно, военная посоха (думаемъ такъ на томъ основаніи, что дворцовыя хозяйственныя нужды, когда онѣ удовлетворялись личными силами тяглаго населенія, назывались обыкновенно „великаго князя дѣломъ"). Посоху же, какъ и всякое тягло, отбываютъ по общему правилу старые жильцы, а пришлые только по истеченіи льготнаго срока, когда они и могли перейдти въ разрядъ старожильцевъ. На основаніи этихъ соображеній предлагаемъ догадку, что подъ монастырскими людьми здѣсь слѣдуетъ разумѣть также крестьянъ старожильцевъ.

Въ XVI вѣкѣ, по общепринятому мнѣнію, первое указаніе на полное запрещеніе крестьянскаго выхода находится въ уставной Важской грамотѣ 1552 года. По этою грамотою излюбленнымъ головамъ предоставлено право выводить на старыя мѣста безсрочно и безпошлинно „*старыхъ* ихъ тяглецовъ хрестьянъ". И здѣсь рѣчь идетъ о старожильцахъ. Другой примѣръ. Въ грамотѣ 1575 года Холуйскому приказщику по челобитью Троицкаго монастыря предписано не вступаться въ монастырскіе дворы на Холую, такъ какъ тѣ дворы поставлены монастырскими деньгами на пожалованныхъ къ монастырской варницѣ мѣстахъ, и не велѣно „соловаровъ и казаковъ и всякихъ соловарскихъ людей и дворниковъ" изъ дворовъ выводить на посадъ и въ тѣ дворы соловарскіе и казачьи вступаться Холуйскимъ посадскимъ людямъ, потому что дворы эти: „стали у нихъ лѣтъ съ сорокъ" или, какъ выражено въ другой разъ, „тѣ дворы на Холую ихъ ставленье изстари" [2]). Если этихъ монастырскихъ людей нельзя выводить

[1]) А. Э. I. № 64. Издателями грамота помѣчена: около 1460 г. На какомъ основаніи выбранъ именно этотъ годъ, не ясно. По именамъ князя и игумена грамота должна быть датирована 1455—1462 г.

[2]) Приложеніе II.

на посадъ, значитъ имъ вообще воспрещенъ выходъ и воспрещенъ. надо думать. по той причинѣ, что всѣ они изстаринные монастырскіе люди. Изъ вышеприведенной грамоты 1577 года видно, что дворцовый прикащикъ хочетъ возить изъ-за монастыря крестьянъ. считая ихъ старожильцами дворцоваго села Давыдкова, тогда какъ монастырскія власти не хотятъ ихъ выпускать, утверждая, что они старожильцы монастырскихъ селъ и деревень. Споръ идетъ о томъ, чьи они старожильцы; право же вернуть назадъ вышедшихъ старожильцевъ и право не выпускать старожильцевъ изъ-за себя вовсе не оспаривается ни сторонами, ни правительствомъ. Такое же значеніе имѣетъ и распоряженіе боярина и дворецкаго Гр. Вас. Годунова вернуть Троицкому монастырю неводчика Левку, если окажется, что онъ „изстари троецкой".

Эти факты, кажется намъ, позволяютъ заключить, что крестьяне старожильцы, на какихъ бы земляхъ они ни жили, правомъ перехода во второй половинѣ XVI вѣка вовсе не пользуются. Они оказались въ положеніи „непохожихъ", „засѣдѣлыхъ" крестьянъ и составили первую по времени категорію нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Если же принять во вниманіе еще свидѣтельства памятниковъ о запрещеніи принимать тяглыхъ крестьянъ и даже о предписаніяхъ возвращать такихъ выходцевъ на старыя мѣста, то получатся данныя о довольно значительномъ контингентѣ лицъ въ средѣ сельскаго населенія, прикрѣпленныхъ къ тяглу и къ мѣстамъ стариннаго ихъ жительства задолго до указа 1597 года.

„Крестьянская старина" не потеряла своего значенія и послѣ указа 1597 года. Извѣстны и отмѣчены факты, подтверждающіе это явленіе для первой половины XVII вѣка. Повторять ихъ здѣсь было бы излишне. Считаемъ, однако, умѣстнымъ замѣтить, что объясненіе этихъ фактовъ, предложенное проф. В. О. Ключевскимъ, намъ не кажется удачнымъ. Авторъ „Происхожденія крѣпостнаго права въ Россіи" полагаетъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка выработались „два порядка отношеній, входившихъ въ юридическій составъ крѣпостнаго права на крестьянъ: власть землевладѣльца надъ личностью крестьянина и власть надъ его имуществомъ.... Въ связи съ этими двумя порядками и подъ ихъ вліяніемъ складывался третій—власть землевладѣльца надъ потомствомъ его крестьянина". Это и была, думаетъ онъ, крестьянская старина, параллельная старинѣ кабальной. Но такъ какъ до половины XVII вѣка землевладѣльцу не принадлежало никакой юридической власти надъ потомствомъ его крестьянина, которое

до Уложенія считалось вольнымъ, какъ убѣдительно доказалъ это самъ авторъ, то онъ и приходитъ затѣмъ къ выводу, что „мысль о кабальной старинѣ вытѣснялась въ крестьянской средѣ мыслью о старинѣ тягловой: сынъ тяглеца укрѣплялся не тамъ, гдѣ родился, а тамъ, гдѣ рядился въ тягло и обжился, „застарѣвъ“ въ немъ“ [1]. Это послѣднее положеніе мы считаемъ вполнѣ правильнымъ, но полагаемъ, что возникновеніе самой мысли о тягловой старинѣ слѣдуетъ отодвинуть на полтора столѣтія назадъ и объяснять ея возникновеніе внѣ всякой связи съ идеею старины кабальной.

IV. Послѣдній вопросъ, на который необходимо здѣсь обратить вниманіе, касается тѣхъ послѣдствій, которыя явились результатомъ уничтоженія крестьянскаго перехода. На этой почвѣ и выросло собственно крѣпостное право со всѣми его мрачными сторонами. Но каковы-же были тѣ условія, при которыхъ такъ быстро поблекла крестьянская свобода и выросъ и укрѣпился владѣльческій произволъ? Какія отношенія между крестьянами и владѣльцами подготовили эту быструю смѣну явленій отъ крестьянской воли къ несвободѣ? Нѣсколько отвѣтовъ на эти важные вопросы предложено въ спеціальной литературѣ, которая разсматривала ихъ съ экономической и съ юридической сторонъ.

Яркая картина крестьянской задолженности со всѣми ея пагубными послѣдствіями для крестьянской свободы съ такимъ мастерствомъ нарисована проф. В. О. Ключевскимъ, что едва-ли скоро придется сдѣлать къ ней существенныя поправки и дополненія. Насъ ближе интересуетъ юридическая сторона вопроса, которая, кажется, не вполнѣ исчерпана.

Проф. В. И. Сергѣевичъ, сторонникъ мнѣнія, что прикрѣпленіе крестьянъ возникло на основаніи указа не сохранившагося или до сихъ поръ не отысканнаго, мѣтко указалъ на одинъ юридическій элементъ крѣпостнаго права, возникшій задолго до прикрѣпленія. Перечисляя привилегіи вольныхъ слугъ, онъ, между прочимъ, останавливается на дарованныхъ имъ судебныхъ и финансовыхъ льготахъ. „Право вотчиннаго суда и управленія (возникновеніе которыхъ относится къ самой отдаленной древности) вошло, можно думать, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ составъ крѣпостнаго права, нѣкоторыя черты котораго имѣютъ такимъ образомъ болѣе глубокія корни, чѣмъ

[1] *Русская Мысль*, 1885 г., октябрь, стр. 38—39.

указы сначала ограничивающіе, а потомъ и вовсе отмѣняющіе вольный переходъ крестьянъ" [1]). Соображеніе это стоитъ внѣ спора. Въ XVII вѣкѣ землевладѣльцы не только „вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ" [2]); но по Уложенію дворяне и дѣти боярскіе являются законными представителями своихъ крестьянъ на судѣ въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ [3]). Въ XIV—XVI вѣкахъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣла разбирались смѣшаннымъ или общимъ судомъ. Но правило Уложенія подготовлено продолжительною практикой, начиная съ первой половины XVI вѣка. Укажемъ примѣры.

Въ 1531 г. инокъ Филоѳей Ивановъ сынъ Гавриловъ отдалъ вкладомъ въ Волоколамскій монастырь свою вотчину деревню Рѣдкино въ Волоцкомъ уѣздѣ, но выговорилъ въ пользу своей жены слѣдующее условіе: „а держати та земля моей старицѣ инокѣ Еупраксѣе за собою до своего живота; а пахати та деревня крестьяномъ на меня на Еупраксію, а Осифова монастыря прикащику въ ту деревню ѣздити и вѣдати ихъ во всемъ и судити ихъ и пошлина ему своя на тѣхъ крестьянехъ имать, а за нихъ стряпати" [4]). Это послѣднее условіе обозначаетъ по преимуществу обязанность судебнаго представительства за крестьянъ, которая возлагается на монастырскаго прикащика. Здѣсь это представительство получаетъ характеръ скорѣе льготы, выговоренной въ пользу крестьянъ. Избавиться отъ судебной волокиты представлялось для рабочаго человѣка, конечно, очень заманчивымъ. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи такое положеніе дѣлъ легко могло привести крестьянъ къ полной потерѣ права обращаться въ государственный судъ безъ разрѣшенія землевладѣльца, отъ воли котораго стало зависѣть — пустить или не пустить своего крестьянина искать защиты отъ посягательствъ на его права. Краснорѣчивымъ

---

[1]) *Наблюдатель* 1887 г. № 2, 55—56.

[2]) *Котошихинъ*, XI, 3.

[3]) Уложеніе, XIII, 7, постановляетъ, что судъ на пашенныхъ людей давать въ тѣ же сроки, какъ на землевладѣльцевъ, потому что „за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они жъ дворяне и дѣти боярскіе во всякихъ дѣлахъ", кромѣ убійства, разбоя и татьбы.

[4]) Арх. мин. юст., Волоколамскій уѣздъ № $\frac{22}{2418}$; ср. уставную грамоту 7098 г.: „А не учнутъ монастырскіе слуги о тѣхъ крестьянѣхъ въ городы ѣздити и о нихъ стряпати и отъ сторонъ беречи и имъ быти отъ меня Іова патріарха... въ опалѣ". *Временникъ*, кн. 2, смѣсь, стр. 21.

подтвержденіемъ только что сказаннаго можетъ служить мировая запись, заключенная между властями Спасскаго Евфимьева монастыря и князьями Семеномъ и Тимоѳеемъ Вяземскими въ 1566 году. Спасскій монастырскій слуга предъявилъ искъ на людей и крестьянъ князей Вяземскихъ въ завладѣніи монастырскимъ лугомъ, въ бою и грабежѣ. Государь назначилъ для разбирательства дѣла даннаго судью Якова Гавриловича Наумова. Но землевладѣльцы не довели дѣло до суда и прекратили дѣло миромъ. Въ мировой записи по этому поводу сказано: „и язъ князь Семенъ и язъ князь Тимоѳей Вяземскіе да язъ архимандритъ Савватей съ братіею, не пущая людей своихъ и крестьянъ предъ Якова тягатись, да во всемъ въ томъ помирились" на указанныхъ въ мировой условіяхъ [1]). Правило Уложенія подготовлено, такимъ образомъ, практикою задолго до окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ, и эта практика уже въ XVI вѣкѣ достигла значительныхъ успѣховъ въ ущербъ крестьянской правоспособности.

Другимъ важнымъ юридическимъ элементомъ въ составѣ крѣпостнаго права являются финансовыя права землевладѣльца надъ крестьянами и связанная съ этимъ податная отвѣтственность помѣщиковъ за крестьянъ. Уложеніе не даетъ категорической формулировки этого правила, а только косвенно указываетъ на существующую практику, санкціонируя ее. Оно предписываетъ впредь за бѣглыхъ крестьянъ съ укрывателей „за государевы подати и за помѣщиковы доходы взяти за всякаго крестьянина по 10 рублевъ на годъ и отдавати истцамъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли" (XI. 10). Взысканіе съ укрывателей за государевы подати въ пользу помѣщика объясняется только при предположеніи, что помѣщикъ уже внесъ за своего бѣглаго крестьянина всѣ причитающіеся съ него государственные сборы. Такая практика дословно подтверждается и свидѣтельствомъ Котошихина, что помѣщики и вотчинники „подати царскія съ крестьянъ своихъ велятъ собирать старостамъ и людямъ своимъ; а свои подати кладутъ они на крестьянъ своихъ сами" (XI. 3). Послѣднее указаніе подтверждаетъ исконное правило хозяйственныхъ отношеній между землевладѣльцемъ и крестьянами, столь же древнее, какъ и право вотчиннаго суда, и многократно подтвержденное жалованными и послушными грамотами XV и XVI вѣковъ. Въ грамотахъ предписывалось крестьянамъ землевладѣльцевъ слушать и почитать или повиноваться имъ во всемъ, пашню на нихъ пахать, оброкъ и доходы пла-

---

[1]) Арх. мин. юст., Суздальскій уѣздъ № $\frac{51}{11829}$.

тить, чѣмъ ихъ изоброчать. Но и податная отвѣтственность землевладѣльцевъ за своихъ крестьянъ также старше крестьянскаго прикрѣпленія и отнюдь не является лишь его слѣдствіемъ. Такого рода финансовая практика засвидѣтельствована уже грамотами и актами XV и XVI вѣковъ. Такъ, изъ жалованныхъ грамотъ первой половины XV вѣка видно, что монастырскія власти обязаны были платить дань по силѣ за своихъ крестьянъ по истеченіи льготныхъ сроковъ. „А коли придетъ моя дань князя великаго, говорится въ грамотахъ, и игуменъ (архимандритъ) за нихъ самъ платитъ моя дань по силамъ“ [1]). Наличность подобныхъ же порядковъ для XVI вѣка подтверждается какъ офиціальными такъ и частными памятниками. Напримѣръ, въ жалованной грамотѣ 1560 г. Михалицкому дѣвичью монастырю приведено челобитье монастырскихъ властей объ утѣсненіяхъ ихъ крестьянъ Кушеверской волости со стороны окрестныхъ помѣщиковъ и о невозможности уберечь крестьянъ отъ обидъ и насильствъ. Изъ челобитья видно, что власти вынуждены были всегда давать крестьянамъ льготы, „да и тягли многіе во много лѣтъ изнемогаясь и займуя за тѣхъ своихъ крестьянъ платили сами собою и отъ того они сами одолжали-жъ и впередъ имъ государевыхъ тяглей за тѣхъ своихъ крестьянъ платити и своихъ убытковъ на тѣхъ своихъ крестьянѣхъ взяти не мочно, потому что тѣ крестьяне отъ обидъ, да и они за нихъ платячи, обнищали“ [2]). Можно бы предположить, что исключительныя условія, указанныя въ челобитной, побудили въ данномъ случаѣ землевладѣльцевъ принять на себя уплату государевыхъ податей за крестьянъ. Но тѣ же порядки наблюдаются и при другихъ условіяхъ. Въ 1576 г. къ великому князю Симеону Бекбулатовичу обратился съ жалобой помѣщикъ Коблуковъ, что на немъ, на его людяхъ и крестьянахъ правятъ ямскія деньги и всякія подати не только съ его помѣстья, но и съ помѣстій другихъ владѣльцевъ, которыя списаны съ его помѣстьемъ сошнымъ письмомъ, и просилъ впредь взимать подати съ одного его помѣстья. Великій князь Симеонъ Бекбулатовичъ предписалъ городовому прикащику взыскивать „ямскія деньги и всякія наши подати съ того его помѣстья съ одного, а за тѣ бы еси приписные помѣстья *на немъ* нашихъ всякихъ податей не имали, а имали бы еси за тѣ приписные помѣстья *на тѣхъ людѣхъ, кто ими владѣетъ*“ [3]). Соотвѣтственно такимъ порядкамъ заключаются и

---

[1]) А. Э. I, №№ 17 (1410—1417), 18 (1410—1417), 23 (1423).

[2]) Д. къ А. И. I, № 113.

[3]) А. И. I, № 195.

частныя обязательства между землевладѣльцами объ уплатѣ податей за крестьянъ. Такъ, власти Рождественскаго-Богородицкаго монастыря во Владимірѣ заключили въ 1585 г. съ Өедоромъ Опочининымъ и его сыномъ запись, по которой, принявъ отъ послѣднихъ 100 рублей вкладу, отдали имъ въ пожизненное владѣніе с. Юрьево съ правомъ распахать пустоши, поставить дворы и назвать крестьянъ. Далѣе стоитъ такое условіе: „А какъ Өедоръ и сынъ его Мансуръ то с. Юрьево устроятъ и пустоши распашутъ и дворы изставятъ и крестьянъ назовутъ, и чѣмъ то с. Юрьево и пустоши государевы писцы въ сошномъ письмѣ опишутъ, и Өедору и сыну его Мансуру то с. Юрьево и пустоши окупати, государскіе всякіе тягла давати“ [1]). Любопытно отмѣтить, что въ XVII вѣкѣ, въ періодъ полнаго развитія крѣпостнаго права, сохраняется та же терминологія для обозначенія податной отвѣтственности помѣщиковъ, которая установилась еще въ XVI вѣкѣ. Нѣкто Владиміръ Бастановъ въ своей духовной 1682 г. упоминаетъ, что онъ продалъ за 100 р. свою вотчину „и тѣми деньгами крестьянъ своихъ окупилъ, платилъ за нихъ по два года по полтинѣ на годъ съ двора въ Разрядъ и въ Ямской приказъ“ [2]).

Приведенные факты съ достаточной очевидностью подтверждаютъ догадку, что отвѣтственность помѣщиковъ за исправное отбываніе повинностей и уплату податей ихъ крестьянами подготовлялась исподволь двухвѣковою практикой и вошла готовымъ элементомъ въ составъ крѣпостнаго права, какъ и право вотчиннаго суда. А потому и утвержденіе, что упомянутая отвѣтственность съ строгой логической послѣдовательностью вытекла „изъ сочетанія значенія крестьянской подати съ личной крестьянской крѣпостью“, не можетъ быть принято, такъ какъ и самая ссылка на законъ 1606 г., въ которомъ будто бы впервые встрѣчаемъ проблескъ мысли объ этой отвѣтственности, оказывается неправильной.

Но при наличности указанныхъ элементовъ ростъ власти помѣщиковъ надъ личностью крестьянъ, лишенныхъ права перехода, не только не встрѣчалъ существенныхъ преградъ, но и имѣлъ весьма

---

[1]) Арх. мин. юст., Владимірскія у. № $\frac{83}{1860}$. Совершенно подобная-же запись дана тому-жѐ монастырю въ 1586 г.: „А Богъ учнетъ миловати, ту полсела Олөерьева да Голцова устроимъ, распашемъ, и дворы изставимъ, и крестьянъ назовемъ, и чѣмъ ту полсела Олөерьева и Голцова государевы писцы въ сошномъ письмѣ опишутъ въ живѣ, и мнѣ Өеопасью и моимъ дѣтемъ то село окупати, всякіе государскіе тягла давати“ (Тамъ-же № $\frac{67}{1864}$).

[2]) Сборникъ Хилкова, № 55.

благопріятную почву. Хорошо извѣстныя изъ практики XVII вѣка проявленія помѣщичьяго произвола начинаютъ обнаруживаться уже въ послѣдней четверти XVI вѣка и даже получаютъ оффиціальную санкцію или, по крайней мѣрѣ, безбоязненно регистрируются. Въ сдѣлкахъ между частными лицами и въ правительственныхъ документахъ, касающихся недвижимыхъ имуществъ, крестьяне начинаютъ фигурировать въ качествѣ принадлежности участковъ земли и вмѣстѣ съ этими участками попадаютъ въ раздѣлъ или въ отводъ. Такъ въ раздѣльной записи 1585 года между братьями, Никитой Петровымъ и Юріемъ Андреевымъ дѣтьми Тараканова, и женой третьяго брата, Ѳеимьей Богдановой женой Тараканова, послѣ раздѣла полосъ земли и хоромъ въ усадищѣ Лизневѣ (4 обжи) слѣдуетъ раздѣлъ крестьянъ: „да мнѣ Никитѣ (на ²/₃) досталось въ Лизневѣ крестьянинъ Истомка Граблевъ, да бобылей: Иванко Щетина, да Еремка Ѳедоровъ, да Ондрейко Вертехъ, да Агафонко Морозъ, да Савка, да Гришка Конюхъ, да Мишукъ; а мнѣ Юрью досталось бобылей: Васка Корова, да Ѳоонка прозвище Болоно. Да у насъ же на Столбищахъ обжа и на той обжѣ крестьянъ: Михалко Бучневъ, да Серга Васильевъ, да Бориско Варенцовъ, да Васка Ивановъ. И мнѣ Никитѣ досталось на треть обжи крестьянинъ Михалко Бучневъ, а мнѣ Юрью достался крестьянинъ Серга Васильевъ, а мнѣ Ѳеимьѣ съ дѣтьми достались Бориско Варенцовъ да Васка Ивановъ" [1]). Или, напримѣръ, какъ видно изъ отдѣльныхъ книгъ, патріархъ Іовъ въ 1596 году приказалъ изъ патріаршихъ вотчинъ въ Костромскомъ уѣздѣ выдѣлить въ помѣстье тремъ дѣтямъ боярскимъ „и крестьянъ, и пашню пахоную, и перелогъ, и лѣсъ, и всякое угодье всѣмъ сряду съ одного". Но, какъ видно изъ челобитья вдовы одного изъ помѣщиковъ, отдѣльщики съ однимъ помѣщикомъ „выбирали себѣ лутчія деревни, которыя въ сошномъ письмѣ написаны легче" и „крестьяне лутчіе", а вдовѣ съ сыномъ отдѣлили деревнишки худыя, которыя въ сошномъ письмѣ написаны тяжело, и „крестьянишки въ нихъ худы" [2]). Отъ такихъ сдѣлокъ на крестьянъ съ землею до сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли, при запутанности исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, оставался одинъ шагъ. И онъ былъ сдѣланъ уже въ XVI вѣкѣ. Помѣщенный въ приложеніи VI документъ—первый, кажется, по времени изъ актовъ этой категоріи.

---

[1]) Арх. мин. юст., Новгородскій уѣздъ, № $\frac{19}{8400}$.

[2]) Тамъ-же, Костромской уѣздъ, № $\frac{102}{5120}$, лл. 31 и 35.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ Нижней Новгородъ ключникомъ нашимъ Юрію Матюшину да Якову Бухвалову или по васъ иные ключники въ Нижнемъ будутъ. Била намъ челомъ Пречистые Одегитрея Новаго дѣвича монастыря игуменья Стефанида съ сестрами, что пожаловали есмя ихъ въ Нижнемъ Новгородѣ княжъ Михайловскимъ дворомъ Воротынскаго, и на томъ деи ихъ дворѣ для ихъ монастырскаго промыслу жили въ дворникѣхъ нижегородцкіе посадскіе люди съ тяглыхъ мѣстъ, и тѣхъ деи дворниковъ нижегородцкіе земскіе цѣловальники взяли по нашей грамотѣ на тяглые дворы. И они деи на тотъ ихъ монастырской дворъ призвали иныхъ крестьянъ нижегородцовъ для монастырскаго промыслу: Өедотка Мандрусова, да Өомку Лобанова, да Юшку Ондреева, а жили деи они въ черныхъ тяглыхъ дворѣхъ, а какъ вышли въ ихъ монастырской дворъ, и они деи посадили въ своихъ дворѣхъ иныхъ жилцовъ. И нынѣ деи тѣхъ людей, Өедотка Мандрусова съ товарищи, нижегородцкіе цѣловальники Өеоня Псковитиновъ съ товарищи емлютъ ихъ на черные на тяглые мѣста въ старые ихъ дворы. И намъ бы игуменью Стефаниду съ сестрами пожаловати, тѣхъ людей Өедотка Мандрусова съ товарищи трехъ человѣкъ, кои въ сей грамотѣ имяны писаны, съ ихъ монастырскаго двора въ посадцкіе въ тяглые дворы имати не велѣти. И мы Новаго дѣвичя монастыря игуменью Стефаниду съ сестрами пожаловали, съ ихъ монастырскаго двора Өедотка Мандрусова съ товарищи въ тяглые дворы на посадъ имати не велѣли до своего указу.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ Новаго дѣвича монастыря съ монастырскаго двора дворниковъ Өедотка Мандрусова съ товарищи, которые въ сей грамотѣ имяны писаны, земскимъ цѣловальникомъ на посадъ въ тяглые ихъ старые дворы и на ямъ и къ инымъ земскимъ дѣломъ имати не велѣли, а велѣли имъ жити въ монастырскомъ дворѣ для монастырскаго промыслу: а въ ихъ мѣсто на тѣ дворы посажали жилцовъ, кому бы мочно въ тѣхъ дворѣхъ жити и тягло наше всякое тянути съ посадцкими людми ровно. А прочетъ сію грамоту и списавъ съ нее противень, отдали-бъ есте назадъ монастырскому слугѣ, которой съ нею пріѣдетъ, впередъ для иныхъ земскихъ цѣловалниковъ. А опричь бы тѣхъ трехъ человѣкъ, Өедотка Мандрусова съ товарищи, иныхъ никакихъ торговыхъ людей и промысленныхъ въ тѣхъ монастырскихъ дворѣхъ одноличио не было никоторыми дѣлы, чтобъ впередъ всякимъ нашимъ податемъ убыли не было. А промышляли бъ они Өедотка Мандрусовъ съ товарищи монастырскою казною; а съ ихъ бы есте товаровъ имали всякіе наши пошлины по нашимъ уставнымъ грамотамъ и по своимъ разводомъ и по ихъ промысломъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7082 апрѣля въ 1 день.

[По Нижегородскому уѣзду № $\frac{27}{7968}$].

II.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Володимеръ Ивану Григорьеву сыну Кореневу. Въ вашей грамотѣ за приписью

дьяка нашего Стафея Иванова къ бояромъ нашимъ, ко князю Петру Даниловичю Пронскому да Ивану Васильевичу Шереметеву, нынѣшнего 83-го году марта въ 11 д(ень) написано, что билъ намъ челомъ богомолецъ нашъ Троицкой Сергѣева монастыря архимандритъ Памва съ братьею, а сказалъ: наше деи жалованье у нихъ въ Володимерскомъ уѣздѣ на Холую были три варницы, на монастырской обиходъ соль варили, а мы деи ихъ пожаловали, дали имъ мѣсто на соляные на четыре анбары да на дворъ на соловарной, да къ тѣмъ деи варницамъ пожаловали есмя, дали имъ мѣстъ вдоль на сто саженъ а поперегъ на пятдесятъ саженъ черного лѣсу на козачьи дворы, которымъ козакомъ у тѣхъ варницъ соль варити и воды сливати. И онѣ деи на томъ мѣстѣ лѣсъ черной и разчистили и дворы тѣмъ козакомъ поставили, а даютъ деи онѣ имъ на дворъ по пяти рублевъ изъ монастырскіе Троецкіе казны; а стали деи тѣ у нихъ дворы лѣтъ съ сорокъ. А нынѣ деи бояря и дьяки наши тѣ у нихъ козачьи дворы отъимаютъ, норовя царевичю Михаилу Кайболовичю, чтобъ имъ подъ судъ ему ихъ дати: а у нихъ деи наша жаловалная грамота, что у нихъ въ тѣ дворы не вступатись ни во что, потому что тѣ дворы на Холую ихъ ставленье изстари, а соловаровъ деи и козаковъ и всякихъ соловарскихъ людей и дворниковъ по нашей жаловалной грамотѣ володимерскимъ намѣстникомъ судити не велѣно и не вступатись ни во что, и жаловалную нашу грамоту передъ нами клали.—И какъ къ тобѣ ся наша грамота придетъ, и ты бы въ Холую на посадъ ѣхалъ да въ тѣ дворы (вступатись) и изъ дворовъ людей на посадъ выводити не велѣлъ и въ дворы въ соловарскіе и въ козачьи вступатись Холуйскимъ посадцкимъ людемъ не велѣлъ же для Троецкаго обиходу и варничного дѣла, чтобъ намъ троецкой архимандритъ Памва съ братьею впередъ не били челомъ. А прочетчи бы еси сю нашу грамоту отдалъ Троецково Сергѣева монастыря слугѣ, которой съ сею нашею грамотою пріѣдетъ, для нашихъ иныхъ присланниковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7083-го марта въ 16 день.

На оборотѣ: Царь и великій князь всея Русіи. *По склейкамъ:* Діякъ Кирѣй Горинъ.

[По Владимірскому уѣзду № $\frac{61}{1838}$].

III.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Ярославской уѣздъ нашего дворцоваго села прикащику Семейкѣ Губареву. Билъ намъ челомъ изъ Ярославля Спаскаго монастыря аньхимандритъ Ѳеодосей съ братьею, а сказали: хочешь ты возити изъ спасскіе монастырскіе вотчины въ наше село Давыдково изъ Сандыревскихъ деревень крестьянъ: Давыдка, да Петрушку, да Илейку, да Ларку, да Девятку, да Максимка; да изъ новыхъ деревень Путятинскихъ: Иванка Петрушина, да Русинка Широково, да Носѣлка, да Ѳедка Спехнева, да Русинка Вешняковского, да Матюшку Полежаевского, да Ѳоонку да Истомку да Третьячка Ростороповскихъ; да изъ Лешовскіе волости Васку Жюкова да Данилка Иванова. А сказывають деи Давыдковскаго села крестьяне, что тѣ крестьяне, которые въ сей нашей грамотѣ имяны писаны, села Давыдкова старожилцы. А тѣ деи села и де-

ревни за монастырь досталися съ тѣми крестьяны.—И будетъ такъ, какъ намъ Спасскаго монастыря анхимандритъ Өеодосей съ братьею билъ челомъ, и тѣ будетъ крестьяне въ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ старожилцы, а за монастырь будетъ достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьяны, а въ селѣ будетъ Давыдковѣ тѣ крестьяне не живали, — и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ про тѣхъ крестьянъ обыскалъ тутошными и сторонпихъ волостей игумены и попы и дьяконы по священству, а старостами и цѣловалники по нашему крестному цѣлованію: тѣ крестьяне прежъ сего въ селѣ Давыдковѣ живали-ли; и будетъ живали, и сколко давно вышли, о срокѣ-ли о Юрьевѣ дни и съ отказомъ, или не о срокѣ, безъ отказу и безпошлинно. Да кто что про тѣхъ крестьянъ въ обыску скажетъ, и ты бъ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написати на списокъ подлинно порознь земскому или церковному дьячку; а къ тому обыскному списку обыскные люди: игумены и попы и дьяконы и старосты и цѣловалники и крестьяне, которые въ обыску будутъ, а грамотѣ умѣютъ, руки свои приложили; а будетъ которые люди грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ бы людей мѣсто къ тому списку руки приложили отцы ихъ духовные; да того обыску своего списокъ за обыскныхъ людей руками и за своею приписью прислали къ Москвѣ въ Дворцовой приказъ къ дьякомъ къ Басенку къ Верещагину да къ Семейкѣ къ Карпову, и мы по обыску о тѣхъ крестьянѣхъ указъ учинимъ. Писано на Москвѣ лѣта 7086-го октября въ   день.

На оборотѣ: Царь и великій князь. *По склейкамъ*: дьякъ Семейка Карповъ.

[По Малоярославецкому уѣзду № $\frac{10}{7700}$].

IV.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Переславль городовымъ приказщыкомъ Суботѣ Миколаеву да Степану Высотцкому. Билъ намъ челомъ изъ Ярославля съ посаду богомолецъ нашъ архимаритъ Өеодосей съ братьею, а сказалъ: пожаловали де семя его архимарита Өеодосья съ братьею, дали въ домъ Всемилостивому Спасу и великимъ чудотворцомъ въ монастырь по князѣ Иванѣ Пѣнковѣ, да по его отцѣ по князѣ Васильѣ, да по его дядѣ Иванѣ Даниловичѣ и по всемъ его роду въ Переславскомъ уѣздѣ село Сигоръ съ деревнями, да село Рахманово съ деревнями, и по той де ихъ вотчинѣ въ Переславлѣ на посадѣ княже Ивановской Васильевича Пѣнкова осадной дворъ, а данъ де тотъ дворъ ему жъ богомолцу нашему архимариту Өеодосью съ братьею на пріѣздъ, и Сигорскимъ и Рохмановскимъ крестьянамъ для осаднаго времени. И съ того монастырскаго осаднаго двора въ прошломъ восмьдесятъ девятомъ году переславскіе посадцкіе люди, сотцкой Баженъ Григорьевъ сынъ Коржавинъ да Десятой Есиповъ сынъ Байбородинъ, да Якушко Посовъ, да Ромашко Семеновъ сынъ Душкинъ вывезли монастырскаго дворника Демъку Иванова силно, не по нашему указу: а тотъ де Демъка пришелъ на монастырской дворъ въ дворники изъ села изъ Первятина, а жилъ де онъ въ селѣ въ Первятинѣ въ бобылѣхъ, а не на пашнѣ, а какъ де изъ села изъ Первятина въ Переславль на посадъ, на монастырской дворъ въ дворники вышелъ, а въ свое де мѣсто въ селѣ въ Первятинѣ

жилца оставилъ. А напередъ сего онъ въ Переславлѣ на посадѣ на черномъ на тягломъ мѣстѣ не живалъ. А которые де монастырскіе достальные дворники: Иванко Огапитовъ, а пришелъ де онъ въ дворники изъ села изъ митрополича изъ Караша изъ деревни Корытова, а Федка де Козминъ пришелъ изъ села изъ Первятина, а Тренка Дмитреевъ пришелъ изъ села изъ Новаго изъ деревни Теренскаго,—и переславскіе посадцкіе люди ихъ досталныхъ трехъ дворниковъ приворачиваютъ къ себѣ на посадъ и велятъ де имъ съ собою во всякіе подати тянути и хотятъ де ихъ вывести на посадъ сильно. А они деи напередъ сего въ Переславлѣ на посадѣ не живали и съ переславскими посадцкими людми съ тяглыми ни въ какіе протори, ни въ службы, ни въ разметы не тягивали, и тѣ де ихъ достальные дворники отъ посадцкихъ людей насилства бредутъ разно. И будетъ такъ, какъ намъ изъ Ярославля съ посаду Спаскаго монастыря архимаритъ Өеодосей съ братьею билъ челомъ, а тѣ будетъ ихъ дворьники Иванко Огапитовъ, да Федко Козминъ, да Тренка Дмитреевъ въ Переславлѣ на посадѣ на черномъ на тягломъ мѣстѣ не жывали и съ переславскими будетъ съ посадцкими съ тяглыми людми ни въ какіе протори ни въ службы ни въ разметы не тягивали, а переславскіе будетъ посадцкіе люди ихъ монастырскихъ дворниковъ Иванка Огапитова съ товарыщи приворачиваютъ ихъ во всякіе протори и въ службы и въ разметы и во всякіе подати и хотятъ будетъ ихъ вывести на посадъ жити силно, не по нашему указу,—и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ переславскимъ посадцкимъ людемъ Спаскаго монастыря дворниковъ притягивати ни въ какіе протори, ни въ службы ихъ имати и на посадъ ихъ возити не велѣли, и впредъ бы намъ о томъ богомолецъ нашъ спаской архимаритъ Өеодосей съ братьею не били челомъ, чтобы ихъ осадной дворъ отъ посадцкихъ людей не запустѣлъ. А прочетъ сю нашу грамоту, отдали бы есте назадъ богомолцу нашему спаскому архимариту Өеодосью съ братьею, и они ее держатъ впередъ для переславскихъ посадцкихъ людей и для нашихъ посланниковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7090-го февраля въ 3 день.

На оборотѣ по склейкамъ: Діакъ Тимоөей Өедоровъ.

[По Переяславскому уѣзду, № $\frac{281}{9005}$].

V.

По государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русіи слову отъ боярина и дворетцкаго отъ Григорья Васильевича Годунова въ Переславль Залѣской ключнику Ивану Коноплеву или хто по тебѣ иный ключникъ будетъ. Билъ челомъ государю, царю и великому князю Живоначальные Троицы Сергеева монастыря архимаритъ Митрофанъ съ братьею, а сказалъ: ловили де они рыбу въ Переславскомъ озерѣ, и въ Соминѣ озерѣ, и въ рѣкахъ, и въ тоняхъ и въ малыхъ рѣчкахъ, въ рѣчкѣ Симанцѣ и въ рѣчкѣ въ Вескѣ и въ заводяхъ неводы и мережами и сѣтми и всякими ловлями по государевѣ жаловалной грамотѣ, и ключникъ деи Олексѣй Коробовъ тое у нихъ государевы жаловалные грамоты не слушалъ и ловцовъ ихъ троецкихъ на Переславское озеро, и въ рѣки, и въ тони, и въ малые рѣчки и въ рѣчку въ Симанцу и въ рѣчку въ Веску, и въ Соминѣ озерѣ рыбы ловити не давалъ.

Да Олексѣй же де у нихъ взялъ ихъ троецкаго неводчика Левку невѣдомо почему. И на тѣ они ловли государеву жаловалную грамоту передо мною, бояриномъ и дворетцкимъ передъ Григорьемъ Васильевичемъ Годуновымъ, клали, и съ тое ихъ жаловалные грамоты посланъ къ тебѣ списокъ.—И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты бы въ тѣ ихъ ловли не вступался, и ловцовъ ихъ троецкихъ на Переславское озеро, и въ рѣки, и въ тони, и въ заводи, и на Сомино озеро, и въ рѣчку Веску, и въ рѣчку Симанцу рыбу ловити пущалъ по государевѣ жаловалной грамотѣ, каковъ къ тебѣ списокъ съ ихъ жаловалные грамоты посланъ съ сею же грамотою вмѣстѣ. А про неводчика бы еси про Левку сыскалъ всякими сыски, да будетъ въ обыску скажютъ, что тотъ неводчикъ Левка истари троецкой, а Олексѣй будетъ Коробовъ взялъ его насилствомъ, и ты бы его отдалъ назадъ къ Троицѣ. А будетъ въ томъ неводчикѣ переславскіе рыболове учинятъ споръ, и ты бы ихъ въ томъ судилъ и сыски всякими сыскалъ, да по суду своему и по сыску въ томъ и управу межъ ихъ учинилъ; а въ чемъ будетъ тебѣ въ томъ управы учинити не мошно, и ты бы суда своего списокъ прислалъ къ Москвѣ въ приказъ Большого Дворца ко мнѣ, боярину и дворетцкому Григорью Васильевичю Годунову. А прочетъ сю грамоту и списавъ съ нее противень слово въ слово, отдалъ бы еси ее назадъ Троицы Сергеева монастыря слугѣ, и онѣ ее держатъ у себя впередъ для иныхъ нашихъ переславскихъ ключниковъ. Къ сей грамотѣ бояринъ и дворетцкій Григорей Васильевичъ Годуновъ печатъ свою приложилъ. Лѣта 7095-го мая въ 4-й день.

У грамоты припись: Діакъ Петръ Тіуновъ.

[По Переяславскому уѣзду, № $\frac{287}{9011}$]

VI.

Се язъ старецъ Гурей съ Коломны Голутвина монастыря, что искалъ есми въ нынѣшнемъ сто шестомъ году въ Володимерскомъ судномъ приказѣ передъ Васильемъ Яковлевичемъ Кузминымъ на подъячемъ Елизарьевы чети Вылузгина на Пятомъ Григорьевѣ Голутвина монастыря крестьянъ: Данила Тарасова, да Данила Михайлова, да Романа Степанова, да Тимоѳея Лунина съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы и статки по челобитной. И язъ старецъ Гурей въ тѣхъ крестьянѣхъ, не дожидаясь сказки по судному списку, съ Пятымъ помирился полюбовно: взялъ язъ старецъ Гурей у Пятово въ домъ Богоявленію Господню въ Голутвинъ монастырь въ вотчину крестьянъ—Романа Степанова, да Тимоѳея Лунина съ братомъ, да Данила Михайлова съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы и статки, Данила Михайлова раздѣля съ его зятемъ съ Ѳедкою Степановымъ животы ихъ по половинамъ съ женою и съ дѣтьми; а Пятому Григорьеву язъ старецъ Гурей по сыску поступился крестьянъ Данила Тарасова да Ѳедора Степанова съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы и статки. И впередъ мнѣ старцу Гурью, или иной которой будетъ въ томъ монастырѣ игуменъ или строитель, государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи и его государевымъ бояромъ и дьякомъ на того Пятово въ тѣхъ крестьянѣхъ о Данилѣ Тарасовѣ да о Ѳедорѣ не бити челомъ и впередъ тѣхъ крестьянъ не искати. А учну язъ старецъ Гурей

или иной которой будетъ въ томъ монастырѣ игуменъ или строитель впередъ государю и его государевымъ бояромъ и дьякамъ на Пятово въ тѣхъ крестьянѣхъ бити челомъ и впередъ тѣхъ крестьянъ искати, и на мнѣ на старцѣ Гурьѣ взяти Пятому по сей записи заряду сто рублевъ денегъ, а государевы пошлины и пересудъ и правой десятокъ платити пополамъ. А записи писаны по противнемъ, дьяки послуси одни и розняты по себѣ. А на то послуси: Ушакъ Перѳирьевъ сынъ Даниловъ, да Жданъ Максимовъ сынъ Гребеневъ, да Семенъ Потаповъ сынъ Поповъ. А запись писалъ Семейка Степановъ сынъ Обакшинъ лѣта 7106-го./1598

На оборотѣ: Къ сей мировой записи старецъ строитель Гурей и въ братіи своее мѣсто руку приложилъ. Послухъ Ушачко руку приложилъ.

[По Коломенскому уѣзду, № $\frac{21}{6331}$]

VII.

Отъ царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи въ Ростовъ городовому прикащику Климу Сукину. Билъ намъ челомъ Живопачальные Троицы Сергеева монастыря архимаритъ Кирилъ съ братіею, а сказалъ: наше деи жалованье у нихъ въ Ростовѣ на посадѣ монастырской дворъ на пріѣздъ, и на томъ деи ихъ дворѣ жилъ дворникъ Демешка прозвище Стерлягъ, да онъ же деи былъ и купчина, покупалъ къ нашимъ пріѣздомъ въ Ростовѣ рыбу свѣжую и просолную и всякіе монастырскіе запасы. И того деи у нихъ купчины Демешки не стало и покупати деи къ нашимъ пріѣздомъ рыбы свѣжіе и всякихъ запасовъ монастырскихъ стало не кому. И по нашему указу велѣно у нихъ быти въ купчинахъ посадцкому человѣку Семейкѣ Брянцову и на троецкомъ дворѣ жити въ дворникѣхъ, а дворъ деи ему свой велѣно продати.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Троицкаго Сергеева монастыря въ Ростовѣ на ихъ дворѣ въ дворникѣхъ посадцкому человѣку Семейкѣ велѣлъ быти на дворничествѣ и въ купчинахъ, покупати для нашихъ пріѣздовъ рыбу свѣжую и просолную и всякіе запасы, а дворъ бы еси ему свой велѣлъ продати. А будетъ на дворъ купца не будетъ, и ты бъ ему съ его двора на троецкой дворъ хоромы велѣлъ ему свести. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень, велѣлъ отдати назадъ архимариту Кирилу съ братьею или ихъ слугамъ, и онѣ ее держатъ для иныхъ нашихъ приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7108 октября въ 18 день.

[По Ростовском уѣзду, № $\frac{27}{10574}$]

